

Н.В. ЗАХАРОВ

ЖУЛИКИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Жулики. Книга 3

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Жулики. Книга 3 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге описаны события произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями переплетаются с прошедшими временами, не менее «лихими». Все совпадения имен персонажей с реально-живущими людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	21
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Глава 1

Выбросило их на берег реки Арканзас. Иван, которому выдали "пачпорт" и ставший, в соответствии с ним, Тихоном Руковишниковым, сидел на кобыле пегой масти и осматривал окрестности. Он иногда встряхивал головой, пытаясь осмыслить, как так получилось, что уснул на постоялом дворе, а проснулся на диком берегу реки, по которой совсем недавно плыл на "лесине".

– Чей-то я не узнаю мест этих-то, – бормотал он, всматриваясь в обрывистые берега.

– Нака карту, глянь, – Мишка сунул ему под нос лист бумаги. – Вот здесь мы. Видишь? Тут такой загиб. Вот мы здесь.

– Ну, дык. Это еще верст пятьдесят ехать до того городишки, где меня стреножили басурмане. Бурна тут речонка, вона ить как камнями ворочат. Мы тута два дни шлюпа вдоль берега тянули. Еле протерлись. Одну на дощечки разнесло. Ружжа потома из омутов доставали. Ох, нанярялись, – вспомнил Тихон, ежась.

– Заставили что ли? – посочувствовал ему Мишка.

– Ну, нет... канешна. Деньгу посулили, вота и полезли. Чилавек он ить скатина, но при душе, а ей чо? Ей антирес надобен. Без антиресу никак.

– Учись, Мишка, мудрость из Тихона плещет через край. Поехали, – тронул Серега Верку с места. – Ты, Тихон как на лошадях?

– Дык, как все. Но-о-о, Манька.

– Чего Манька-то?

– Бабу мою так звать. Забыла, пади, стервь. Приеду, прибью.

– Да ты, Тихон, с чего это взял? Может быть, все глазыньки проплакала бедная? А ты "прибью".

– Че я их аспидово племя не знаю чтоль? Муж за порог – жена из дому скок.

– Так детишки опять же у вас. Куда от них "скок"? Перебиваются, поди, с хлеба на квас, голодают или того хуже продали тоже куда-нибудь за "декалона" пузырь. Жизнь-то не сахар, поди, там?

– Да где там – сахар. Хрестьянину на Руси када сахарно-то бывает? Побывал в разных царствах. Ни де хуже, чем у нас, не видал.

– Неужто и "ни де"? – усомнился в словах Тихона Серега.

– Святой, православный крест, – Тихон истово обмахнулся крестным знаменем.

– Ничего, Тихон, будет и на Руси хорошо. Когда-нибудь, – Мишка протянул Тихону саблю в ножнах. – Нака вот "меч кладенец". Говорят, что здесь "озоруют". Места разбойные. Осторожнее, острая, – двинулись они по восточному склону, который был скалистым и приходилось выбирать направление, осторожно перемещаясь между нагромождениями скальных пород.

– Подняться надобно выше. Там степь здешняя, дикая. Прерия зовется. Суглинок с песком, но все спорее будет, чем так-то плестись меж камней этих, – высказал предложение Тихон.

– Прав ты. Чего тащимся по каменюкам? Давай вверх, – Серега спешил и повел Верку в поводу, в сторону от Арканзаски.

– Вот ведь места тут, – Мишка оглядел окрестности. – Как на Луне, блин. Ни кустика, ни деревца и трава какого-то рыжего цвета здесь. Пустыня Сахара. Земля вон потрескалась вся от зноя. Градусов сорок, наверное, по Цельсию.

– Мудрены слова речешь. Понятно – из Питерсбургу. Там, пади, все грамотеи? А места дикие, неухожены аки в аду тут. Сковард с грешниками тока не хватат, – Тихон пнул Маньку каблуком в подборюше.

– Но-о-о, утроба,– Манька рванула с места со скоростью сто км в час и Тихон едва не вылетевший из седла, перепугано заорал, натягивая поводья.– Тпр– у– у, зараза. Куда?– Манька встала как вкопанная, и Тихон вылетел из седла, мелькнув в воздухе новенькими ботами допотопными, 45-го размера. Приземлился он удачно на ноги и по инерции пробежав метров пять, загребая "ластами" пыль Оризонской пустыни, упал на четвереньки, ткнувшись бородой в растрескавшийся от жары суглинок, почти без травм. Пустышная ссадина на лбу и испуг до дрожи в коленях, вот и все последствия "родео". Мишка с Серегой, наблюдавшие за этими прыжками, умирали со смеху, а виновник веселья хмурился сначала, испуганно подходя к строптивой Маньке, а потом тоже не выдержал и прыснул, расплывшись в улыбке:

– Вот ведь, стервь – Манька. Ну, вылитая женка моя. Такаж зараза,– смеялся Тихон, забираясь опять в седло.– Вот ведь бабы, никакого понятия и степенности. Но-о,– уже аккуратнее ткнул он Маньку.– Ишь шустрая кака!

– Ты, Тихон, давай пока за Михой следом, если что, то тебя вокурат на его Лерку перебросит, но все же не тормози так резко. Аккуратнее с Манькой,– посоветовал Серега.

Километров тридцать проскакали, никого не встречая, сверяясь с картой и Тихон, все увереннее ориентируясь по ней, отрицательно мотал головой.

– Вот,– ткнул он, наконец, на противоположный берег.– Пасады их,– городишко действительно состоял всего из одной улицы, и назвать его городом мог только идиот, никогда настоящего города не видевший.

– Город, блин. Домов сорок. Точно, как в кино. Кирха, почта, салун. Может грабанем здешнее отделение банка для прикола, как в вестернах? Будет что вспомнить,– Мишка подмигнул озорно Тихону и тот испуганно перекрестившись, замахал руками:

– Че мы нехристи каки чтоль? Она переправа у них там. Будем заходить, аль как?

– А что там делать, если почту не грабить? И отсюда видно, что захолустье и скука жуткая. Все развлечение – салун. Где они жрут свой самогон, который называют виски. Дрянь жуткая. Я попробовал один раз,– Мишка плюнул на растрескавшуюся от жары землю.– Дрянь. Как они ее вообще пить могут?

– Миш, поэтому у них и с пьянством нет проблемы, что дрянь. Не то, что у нас "сладка водочка". Мы ведь не только от последствий возлияния кайф норовим получить, но и от самого процесса. А эти, принимают свой "вискарь", как микстуру.

– Во, во – дикие люди, но в шляпах все,– поддержал Серегу Тихон.– Она едут. Щас проверку учинят. Кто, да пошто мимо их городу? ШерифА.-

"Шерифов" было трое, двигались они прямо на них, сидя на лошадях и при ружьях.

Дробовики держали в руках поперек седел и пока стволами вниз. Но пальцы уже на курках. Все трое были в куртках серого цвета и долгополых шляпах. Штаны с лампасами и сапоги со шпорами, с натяжкой могли причислить эту троицу к органам правопорядка. Какая-никакая, а форма. Троица резко, как по команде, остановила своих лошадей в десяти метрах перед остановившимися путешественниками и "шериф", сидящий посередине, приподнявшись, рявкнул:

– Именем испанской короны, стоять.– "Говорит на испанском",– услужливо перевел синтезатор.

– Стоим,– крикнул в ответ Серега, рассматривая бюстителей закона.

– Кто? Откуда? Куда следуете?– опять рявкнул средний "шериф", – мужчина солидный, с огромными, пушистыми усищами.– "Таракан",– окрестил его мысленно Серега и, прикалываясь над ним, ответил:

– Марсиане мы, следуем к президенту Североамериканских соединенных штатов,– ответом этим он ничуть не смутил "таракана-шерифа", тот только нахмурил такие же лохматые брови, растущие над выпученными глазами и заорал еще громче:

– Именем испанской короны, вы задержаны,– и махнул рукой сопровождающим.-

"Давайте, ребята. Отрабатывайте жалованье". Те привычно подняли стволы дробовиков и взвели курки, шелкнув ими с огромным видом удовольствием. Лица уж больно самодовольные у них при этом сделались. Оба "помощника шерифа" были парнями молодыми, безусыми и с загорелой до черноты кожей. Сразу видно, что парни в офисе не засиживаются, а в седле несут нелегкую свою службу. "Вот она власть, которая развращает", – подумал Мишка, с раздражением активируя "Завесу" себе и Тихону, который не понял, чего это тот вдруг хлопнул его ладонью о ладонь и уже собиравшийся, опустив голову, сдать властям. Серега, начавший диалог и уже тоже в "Завесе", выехал на пару метров вперед и заорал на стоящую троицу местных "ментов" с такой яростью, что даже лошади под ними шарахнулись от неожиданности и завертелись:

– Ты кто такой, мать твою, чтобы от имени испанской короны тут подписываться? Документ предъяви, козлина, – Серега забыл, что нужно говорить медленно и тогда сурдо-переводчик переведет почти синхронно, но на такие эмоции этот артефакт рассчитан не был и поэтому запоздало озвучил Серегину реплику следом, на испанском, но достаточно громко и очевидно буквально слово в слово.

Судя по реакции "таракана" и его спутников на нее. Они-то слышали сначала реплику на непонятном языке, а потом на испанском. "Таракан" выпучил глаза, его продубленная степными ветрами и пропеченная до костей солнцем шкура, побагровела от негодования.

– Ты, мерзкий койот, – заревел он в ответ. – Вот мой документ, – потряс дробовиком. – Слезай, негодяй, с лошади, пока я не разрядил в тебя ствол, – и тоже клацнул курком. Да еще и прицелился, прижавшись к прикладу багровой щекой, как будто с пяти метров мог промахнуть. Усы его при этом торчали воинственно в стороны, напоминая таракана еще больше. Сереге даже смешно стало. Сидит этакое чучело в лампасах с тараканьими усами и тарачится на него, прижмурясь, через прицел дробовика. И он расхохотался весело и заразительно, тыкая в "таракана" пальцем:

– Таракан, таракан, – зашелся в смех Серега и Мишка, взглянув на шерифа, тоже захохотал, не удержавшись. Уж больно комично выглядел "таракан" с ружьем. Помощники шерифа недоуменно переглянулись, не понимая причины веселья. А Серега продолжал хохотать, тыкая пальцем в их начальника. Синтезатор добросовестно повторил по-испански:

– Таракан, – и те уставились на свое начальство, тоже недоумевающее и оторвавшее щеку от приклада. Усы топорщились, и в широкополой шляпе он в этот момент стал особенно похож на домашнее насекомое, известное любому человеку на всех земных широтах. Помощники прыснули невольно, не удержавшись и заражаясь хохотом Сереге, тоже заржали, весело давясь, в две луженые, молодые глотки. "Таракан", которому почему-то весело не было, от всеобщего внимания к его усам, побагровел еще больше, физиономия его буквально налилась помидорным цветом и оскала желтые, редкие зубы, став еще больше похожим на таракана, заверещал:

– Заткни глотку, мерзавец, я представитель испанской короны, а не таракан, – при этом он опять принялся целиться в Серегу.

– Слезай с кобылы, каналья, – а веселье только разгоралось. Один из помощников "таракана", схватил его ружье за ствол и, опустив вниз, согнулся в очередном приступе хохота, – «Не порти момент».

– Хулио – таракан. Го-го-го, – ржал он жеребцом и даже удивленные Верка, Лерка и Манька переглянулись завистливо.

– Он – Хулио? – захохотал Серега, тыча в живот пальцем "таракана", подъехав к нему. – Хулио он?

Тут уж и Тихон захекал, услышав, как величают "таракана-шерифа". А Серега захлебываясь от смеха, объяснял помощникам "таракана", что означает по-русски имя их командира. И те радостно заржали опять, – "Надо же, сколько новостей за одно утро и все хорошие". – Вот только усачу Хулио эти новости совсем не нравились и он норовил выдернуть ствол дро-

бовика служебного и доказать всем, что он мужчина, а не хрен собачий, за которого его тут выставляют. И это ему удалось, ярость переполняла сердце шерифа и он, ткнув ствол в Серегин живот, спустил курок. Громко прозвучавший щелчок, добавил всеобщему веселью огонька.

– Он ружье забыл зарядить. Ху– у– улио, хули– и– о ты ружье не зарядил?– хлопал Серега растерявшегося шерифа по плечу, обтянутому серой тканью, повисая у него на шее и содрогаясь от смеха. А два подчиненных Хулио и Мишка с Тихоном, заливались следом. Ну а уж когда Верка, Лерка и Манька дружно заржали в три голоса.

– Иго-го,– тряся гривами, то тут уж и непробиваемый Хулио, сначала оскалился, потом перекосясь недовольно и вдруг захохотал громче всех, махая рукой в сторону лошадей. Остальные участники даже смеяться перестали от такой резкой перемены настроения "таракана" и уставились на него недоуменно. Дескать,– "Ты-то, чего ржешь? Это ты таракан. Тебе злиться полагается и всех этим потешать?"

А Хулио-таракана пробило на смех так, что он чуть из седла не вываливался. При этом махал в сторону рукой почему-то Маньки Тихоновой. И та, почувствовав себя в центре внимания, озорно всем подмигнула и весело оскалась, поддержала покатывающегося Хулио.

– Иго-го-го,– хохот, накрывший случайно встретившуюся компанию, рванул с новой силой. Тихон упал на шею Маньки и трясся, обняв ее за шею.

Смеющиеся "шерифы" и не подозревали, что смерть махнула у них над головами своей косой и тараканьи усы их Хулио, в сочетании с именем, только что остановили ее. Когда люди смеются вот так – они потом не могут проливать кровь смеявшихся вместе. Что-то происходит. Человечность просыпается в душах. То, что зовется терпимостью, сочувствием. Поэтому, когда все участники отсмеялись, то "таракан", отстранившись от Сереги, уже не так официально, все же поинтересовался:

– И откуда вас принесло, клоунов, в наши прерии?

– Из России мы, Хулио,– все еще улыбаясь, ответил доброжелательно тот.– Что ты прицепился, как репей, ей Богу? Ну, едем мимо и едем.

– Да тут шайка появилась – отморозков,– /Сурдопереводчик так и озвучил "отморозков"/.– Сброд всякий. Нападают на переселенцев, грабят. Людей почему зря режут, каналы. Вчера сбежал один оборванец из-под стражи. Жаль не догнали,

– Тихон отвернулся в сторону и сделал вид, что занят подтягиванием ремня на подпруге.

– Теперь-то сам вижу, что вы нормальные люди, а не налетчики. Мы вас проводим миль десять,– "Таракан" ухмыльнулся в свои пушистые усы и подмигнул выпученным глазом. – Веселые вы парни, как я погляжу. Куда направляетесь?

– В Инид, тут не далеко поселение новое. Хотим там остановиться,– Серега тоже подмигнул "таракану".

Тот расплылся в улыбке:

– Это Антонио и Билл – помощники мои. Хорошие парни, только засранцы. Давно бы выгнал, да заменить не кем. Незаменимые засранцы,– вздохнул "таракан" Хулио.

– Сергей, Михаил и Тихон,– представил себя и спутников Серега.– Вам-то, зачем в ту сторону?

– Да нам особенно то ни в какую. Патрулируем не много.

– Ну, и сколько этих отморозков тут безобразничает?– поинтересовался Серега.

– Да, с дюжину мерзавцев. На лошадях тут шурудят. Ну-ка, вроде пальба за холмами? – выстрелы ружейные слышны стали явственно, когда все замолчали и совсем недалеко, в паре километров по курсу. Хулио хлестнул своего жеребца и тот помчался, выбивая копытами пыль из жухлой травы. Остальные прищипорили своих лошадей следом. Когда обогнули холм, то увидели душераздирающую картину. Десяток мерзавцев потрошили пару повозок, крытых тентами. Хозяев перебили и не спеша теперь рылись в их имуществе. Двое сидели в седлах, внимательно следя за окрестностями, остальные копошились в повозках и распрягали лошадей.

Высочившие "шерифы" на скаку открыли стрельбу по "отморозкам", но и те услышали стук копыт и открыли пальбу в ответ.

И стреляли надо сказать результативнее. Один из молодых помощников Хулио вылетел из седла, раскинув руки и выронив ружье, второй согнулся и обвис, также выпустив ружье из рук. В результате доскакали до повозок вчетвером. Усатый Хулио был сбит высочившим ему на встречу оборванцем в сомбреро. Взмахнув огромным палахом тот, рубанул им шерифа по голове, разрубив пополам и залив кровью, перемешанной с серыми клочьями мозга, лошадь. Хулио в агонии вцепился в гриву и упал грудью вперед, заливая глаза лошади. И та, взвившись на дыбы, заржала жалобно и пронзительно, трясая головой и сбрасывая с себя мертвое тело.

Здоровяк же, сдвинув шляпу назад, рубанул наезжающего на него Мишку и опять по голове, обезображивая ее кровавой раной. Мишка схватился руками за лицо и Лерка прыгнув, унесла его прочь от повозок.

– Ах ты, сука!– Серегина сабля свистнула, снося голову с оскаленными зубами, а потом он завертелся вокруг телег, вырубая беспощадно все, что шевелится и пытается сопротивляться. В него стреляли и совали ножи, но через минуту все закончилось, и Серега погнал Верку в степь, вслед за Леркой, которая остановилась в пятидесяти метрах и склонилась над выпавшим из седла Мишкой. Подскакал, выпрыгнул из седла и подбежал к лежащему на земле Мишке.

– Ну, что?

– Зацепил, гад,– Мишка убрал руку от лица, и кровь хлынула, заливая рот. На лбу лезвие особенно глубоко прорубило кость, и кровь текла как из крана, пузырясь и даже слегка фонтанируя. Серега полез в "нутро" Верки, вытащил вату и бинт, прижал тампон к лицу Мишки.

– Выруби "Завесу" я подбинтую,– попросил он его и дождавшись, когда дезактивация закончится, принялся мотать бинт, приговаривая:

– Ну, вот чего суешь бошку? Мучайся теперь, пока не вернемся. А если не найдем аппарат, то вообще будешь целый год ходить, как Кугузов.

– Да ладно тебе причитать бабой. Перетягивай потуже. На хрен. Вполне еще отделался легко. Мог бы и череп до мозгов проломить. Сунул бы прямо и привет. Слушай, Серега, с этим, что-то делать нужно. Мне еще на Куликовом это не понравилось. Не видно же из-за щита ни хрена. А тут и вовсе прилетело не хорошо. Здоровый тесак у него, гада,– подъехал Тихон, и тоже спешившись, принялся помогать оказывать первую помощь. Суетился и только мешал Сереге. В конце концов, тот не выдержал и послал его проверить шерифов:

– Глянь, может, жив кто из молодых. Хулио-то получил по черепу на моих глазах. А у тех пулевые. Может, и жив кто?– Тихон уехал проверять пульс и заорал от тела Антонио:

– Сей дышит паренек еще,– Серега помог Мишке взгромоздиться в седло и, подъехав к выпавшему из седла Антонио, принялся его осматривать. Пуля попала в ключицу и прошла навывлет. Перебинтовав парня, погрузили его в повозку, освободив от убитых "отморозков" и сложив туда же остальных "служивых", направились в городишко. На паромной переправе их встретили два старика негра в лохмотьях и белый парень, лет тридцати. Перевезли их на другой берег, не взяв оплаты, когда узнали, кого везут. Городок встретил безлюдьем. Потом набегали любопытные и заинтересованные. А сначала, только дворянка, лежащая в тени, приподняла голову и, мотнув головой, отгоняя мух, уронила ее обратно на лапы.

– Провинция сонная, блин,– пробормотал Серега.– Давай, правь вон к тому дому со змеей вокруг рюмки. Аптека никак,-

Тихон щелкнул вожжами и остановил повозку у низкого в три ступеньки крыльца. Вот тогда-то и появились любопытные обыватели. Запричитали женщины над телами Хулио и Билла. Антонио унесли в аптеку и там ему оказали настоящую медицинскую помощь.

Он к тому времени уже очнулся и стонал, поминая всех святых.

Глава 2

Аптекарь и врач по совместительству, мужчина лет 40-ка, затащив и Мишку к себе, принялся разматывать бинты, что-то бормоча под нос. Серега включил сурдопереводчик и услышал:

– Варвары, руки бы поотрывал за такие перевязки. Рана не обработана, инфекция стопроцентно обеспечена. Глаз видеть не будет – это даже не обсуждается и гангрена уже началась видно по всему. Не жилец.

– Что ты там несешь, трубка клистирная?– Серега вспотел, от слов аптекаря-лекаря. – Кто жить не будет?

– Этот молодой человек – не жилец. Рана глубокая и наверняка инфекция попала. К вечеру припухнет и отдаст Богу душу. Поверьте, я знаю в этом толк,– мрачно заявил лекарь.

– Может быть, языком меньше будешь молоть и работу свою лучше сделаешь?– Серега плюнул с досады.– Вот чего несешь? Как ты, Миш?– тот улыбнулся:

– Нормально. Голова кружится немного, а так ничего. Слушай ты больше этого лекаря. Отдохнем часок и дальше поедем.

– Нет уж, сегодня мы уже никуда не поедем. Отдыхаем,-

Серега вышел на улицу и расспросив мальчишек, пошел в Салун, где можно было снять комнату на ночь.

Хозяин заведения, встретил его при входе и набросился с расспросами:

– Что там? Говорят, Хулио убили?– толстый, похожий на поросенка, хозяин суетился и вытирал руки о передник.

– Убили. У вас комнату на ночь снять можно?

– Конечно, синьор. Не имею чести знать ваше имя,– расплылся в радостной улыбке местный "халдей".

– Это и не обязательно. Мы тут только до утра и потом вряд ли будем дружить семьями. Приготовь конуренку. Сейчас раненого доставим:– "А чем же я рассчитывать буду?"– подумал Серега и, нащупав в кармане комбинезона золотую монету допотопную, вынул ее и хлопнул на стойку: – Этого хватит за постой и стол на троих?– "халдей" бережно взял монету и легонько куснул ее, повертев предварительно перед глазами и внимательно рассмотрев.

– Золото – несомненно, но видеть такого не доводилось. Чьей чеканки?– спросил он:

– Российская Империя,– на голубом глазу довел до сведения любопытного, свою версию происхождения монеты, Серега.

– А-а-а. Это рядом с Канадой где-то?

– Да, сразу за ней,– усмехнулся Серега.– Так хватит?

– Хватит. Я бы и вовсе с вас, как с пострадавших не взял ничего, но сами понимаете, семейство кормить нужно,– семейство "халдея" состояло из него самого и разбитной бабенки, которая выскочив, откуда-то из закоулков салуна, заверещала голосом пронзительным, как зубная боль:

– Ну, что ты встал, что встал? Веди господина наверх. У нас лучшие в этом городке условия.

– А у вас и конкуренты есть?– даже остановился Серега, заинтересовавшись этим фактом.

– Есть, есть, как же. Пастор местный сдает пару комнат на ночь. Такой хапуга, а еще служитель Божий, как только такая земля носит, чтоб у него селезенка лопнула. Хапуга каких свет не видывал. Слуга Божий. Гореть ему в геенне огненной мерзавцу,– понесло ту:– " Больная тема",– усмехнулся Серега. А бабу уже было не остановить и пока они осматривали комнату и спускались вниз, она успела рассказать про пастора все, что знала от его рождения, которое:

– «Господь Бог допустил по недоразумению» и до сегодняшнего дня, до которого пастор дожил тоже удивительным образом, умудрившись не свернуть себе шею:

– И этот негодяй и извращенец, ходит в сутане и проповедует Слово Божие... – неслось ему в спину, когда он шел от салуна в сторону аптеки.

Мишка дошел до комнаты сам, лег на скрипучую кровать и попросил:

– Заткните рот этой бабе, у меня от ее визга глаз дергаться начал, – Серега вышел и рявкнул на верещащую хозяйку:

– Цыц, ведьма! Приготовь чего-нибудь перекусить и если я еще раз услышу твой голос, то сожгу этот вертеп вместе с этим вшивым городком и негодяем пастором, – хозяйка обмерла и исчезла за дверью. В аптечке походной Серега нашел обезболивающие и регенерирующие средства, так что к утру, Мишка выглядел вполне прилично и даже содрал с лица повязку, перед облупленным зеркалом, висящим рядом с входной дверью. Безобразный шрам пересекал лицо наискось и чудом уцелевший глаз таранился из него, как что-то лишнее и чужеродное. Мишка попробовал мигнуть и закрыть его, но мышцы не слушались и из глаза потекли слезы:

– Ну вот, блин, теперь пальцем веко придется двигать, – потрогал он щеку и лоб.

– Что ты лезешь не мытыми руками? Дай засохнуть царапине, как ребенок ей Богу, – напустился на него Серега.

– Ни хрена себе царапина! Успокойся. Засохло уже все и даже кожей новой заросло. Хрен бы с ним, только глаз не мигает теперь, вытаранился гад.

– Вот и терпи теперь, привыкай, – проворчал Серега, выходя из комнаты. – Эй, хозяин, – донесся его голос уже внизу. – Завтрак давай и что-нибудь с собой дня на два, на троих человек. Шевели копытами, – через час, проезжая мимо аптеки, зашли проведать и проститься с Антонио. Аптека в этом захолустном городишке еще и лазаретом являлась по совместительству, а ее хозяин сиделкой и лечащим врачом одновременно.

– Ну, как дела, Антонио? – присел Мишка у постели перемотанного тряпками помощника шерифа, – тот улыбнулся и сморщился от боли:

– Лекарь сказал, что если к завтрашнему дню не помру, то через неделю непременно снесут на кладбище.

– Оптимист он у вас, трубка клистирная, – проворчал Серега. – На-ка вот лекарство прими. Завтра будешь танцевать в салуне с красавицей хозяйкой канкан. Глотай, тебе говорят, видишь, у Михаила уже все зажило?! Это народное русское средство, –

Антонио проглотил пилюли и откинулся на подушки.

– Поправляйся. Встанешь завтра на ноги, и выберут тебя шерифом местным. Эй, лекарь, что ты там про то что "этот парень не жилец" говорил? – лекарь сунул голову в комнату и уставился на Мишку. Глаза его вытаранились на свежий шрам, а губы обвисли в удивленной гримасе.

– Что это? Как?

– Раком. Специалист хренов. Каркаешь, как ворон. Разве можно пугать пациентов? К тебе никто и не обращается, наверное, за помощью, к придурку? Ласковее нужно с людьми, душевнее. Проще будь, народ это почувствует и монетами завалит, –

Серега пожал Антонио руку. – А ты больше у этого уroda ничего из рук не бери. Завтра вот эту пилюльку еще примешь и, посылай его ко всем чертям. Ну, выздоравливай, а нам пора, – и, проходя мимо лекаря, стоящего с открытым ртом, хлопнул его на прощанье по плечу:

– Ну и ты, трубка клистирная, будь здоров. Народу, поди, на тот свет уже толпы отправил? – город остался далеко позади, когда Тихон спросил у Сереги:

– Скажи, Серьга, а чей-то вы мне вчера прицепили? А потом сняли? В меня пуля попала, и басурманин саблей рубанул. Пуля вот она – ляпеха, а саблю басурманин напрочь сломал о плечо. Чей-то? Аль ведавство како?

– Оберег это, Тихон. Православный. Отцами Валаамовыми намоленный, –

Сергеа вынул пластину и сунул ее под любопытный нос Тихона:

– Видишь крест?– и, убирая пластину обратно в карман, проворчал:

– Ведовство. Чуть что – все им ведовство, да магия мерещится. Почему о Боге никто не вспоминает? А? Тихон?!

– Так ить церковь осуждат чудеса, вот и вспоминаю, то че ближе,– с простотой необыкновенной пояснил Тихон.

– О как? Ведьмы да колдуны, значит, ближе Бога?

– Ну, да! Оне же промеж нас ходют, а Бог там,– ткнул Тихон в облака. Сергеа даже Верку тормознул.

– И много ты, Тихон, колдунов да ведьм в своей жизни встречал?

– А че их встречать? У нас в дярвенни половина баб – ведьмы. Ворожат, да порчу наводят. И колдуны тож есть. Кузнец наш – Фрол, как зыркнет, так лошадь сама себе подкову на копыту прибават.

– Здоров ты врать, однако, Тихон. И это "народ Богоносец" – ма-ать моя – девка невинная,– изумился Сергеа.

– А че тако? Сам видел. Вот те крест святой,– Тихон размашисто перекрестился.

– Что видел? Как лошадь себе гвозди вколачивала? Молоток чем держала? Зубами?

– Не– е– ет!– Тихон решил уточнить детали,– Как Фрол глазами зыркает, видел и патом значитя, кобыла сама встает, как ему надоть и копыту задирает с хвостом,– Сергеа понимая, что "дярвенщина" прикалывается над ним, скривился и все же спросил:

– Хвост-то чего задирает?– Тихон ухмыльнулся.

– Оно канешна ни к чему. Да больно уж глаз у Фрола-т колдавской. Одна даже понесла как-то,– Тихон подмигнул Мишке.

– Кого понесла? Кто?– не понял Сергеа.

– Кобыла едренть,– расхохотался Тихон и ткнул Сергеу кулаком в бок.

– Эх, городски. Толчетесь тама у себя в Питерсбурги, а жисть мимо проходит.

– У тебя, Тихон, мать не Ариной Родионовной кличут?– Сергеа тоже ткнул Тихона в бок.

– Не– е– т. Матреной крестили. А че?

– В очё. Горазд, ты я смотрю, побасенки плести. Сказитель народный, блин,– хмыкнул Сергеа.

– Че все" блин" у вас? Че не калач, аль пирог?– заинтересовался Тихон.

– Блином обойдешься. Пирог ему, блин. А куда ваш батюшка-то смотрит? Пол деревни ведьм, остальные колдуны?

– А ему та че? Безобидны ж,– отмахнулся Тихон от "глупого" вопроса.

– Ничего себе! Безобидные! Да он должен в колокол звонить и анафему вам всем на головы. Или от церкви отлучать. Епитимию наложить – вот,– вспомнил Сергеа хитрое церковное слово.

– А с чего он тогда домочадцев питать будет? Коль всех заанафемит? Батюшка у нас понимающий. Мы его и по борозде катам, коль дожда нет долго. Терпит. Понимат че хрестьянина земля кормит.

– Ну-у-у, брат – это совсем уже язычество. Волхвов Велесовых, да Яриловых так то, по борозде елозили, а вы попа.

– А где ноне волхва таво взять? Вывелись. А кто вывел? Понятно опять – попы. Вот и терпят,– взглянул хитро на Сергеу Тихон.

– Логично.

– Чаво?

– Молодцы говорю. Богоносцы.

– А мы и носим. Вона скока крестных ходов. С иконами вокруг храма. Носим, как не носить, коль велят?

– А самим – это бы и в голову не пришло делать?– спросил Серега, и Тихон укоризненно взглянул на него.

– Пошто ба самим? Откель нам знать када нада? На то и поп тама в рясе – свечки льет. Пушай висят в храме. Эта как жа? Заходи, да неси, када в голову взбрело? Ить это не порядок! Ты, Серьга, шибко грамотный я гляжу. Языков иноземных столь знашь, а не понимаеш, что порядок должен быть.

– Миш, где-то мы уже про «порядок» слышали? Помнишь Зотова Филимона?– Мишка кивнул и помог пальцем мигнуть пострадавшему в свалке глазу.

– Всякая власть от Бога, волос не падает с головы у человека без воли Его, ну и про то, что он за порядок т. е. – власть. Так и помер дураком,– припомнил Серега.

– Все умирам дураками. Хоть весь век учись,– вздохнул Тихон.

– А что барин ваш – хрестьянин и вас христиан за бутыль одеколона продал – это как?

– Кажный за свое ответит. Гореть барину в аде,– Тихон насупился. Не понравилось видать, что Серега перевел разговор на тему больницу.

– А батюшка ваш, что говорит про крепостное рабство?– не отставал Серега.

– Терпите, говорит. Бог терпел и нам велел. А барина мы ужо сколь раз жгли. Сами сожжем, сами потом отстроим. Как устаем терпеть, так и жжем.

– Весело там у вас на деревне. И кино никакое не надо. Не жизнь, а сплошные пляски половецкие с саблями.

– А че? И тако бывает,– согласился Тихон, пропустив заморское слово "кино" мимо ушей:

– Вот вернись, хозяйством обзаведусь,– расплылся он в мечтательной улыбке.

– А боярин? Не загонит опять в рабство?– заинтересовался Серега.

– Да как он может? Забыл, поди, давно. Вынюхнул "дикалон", да забыл. Я теперича вольный хлебопашец. Землицы ба прикупить десятин пять для началу... – продолжал строить планы Тихон.

– А жена с детьми как? Разве их отпустят к тебе без выкупа? Заломит денег барин, и будешь опять на него пахать, как папа Карло всю жизнь!

– Ктой-то – эта Карла?

– Да, итальянец один. Ромей. Шибко роботящий дядька был. Плотник,– объяснил Серега.

– Не может барин заломить. Пошто ему мои охвостья? Корми!!! Отдаст. Заплатить, конечно, нада будет, но не как Карла. Не всю жисть,– поскреб Тихон затылок и примолк, видать, подсчитывая, во сколько ему обойдется его же собственное семейство, если выкупать у барина.

Сереге жаль стало его. И он похлопал Тихона покровительственно по плечу.

– Не дрейфь, Тихон. Поможем тебе семейство свое забрать у боярина сволочуги. Не бросим. Раз уж паспорт тебе сляпали. Пока не убедимся, что все у тебя в порядке, не оставим.

– Ну, спасибо, благодетели,– обрадовался искренне Тихон, скинув с плеч заботу о своих близких на плечи покровителей.– Век Бога за вас, кормильцев, молить буду. В поминания запишу,– понесло его.

– Все. Меняем тему,– прервал его словесный поток Серега.– Ты по сторонам смотри. Мимо бы не проехать. Узнаешь места?

– Че их знать? Там дерево тако стояло,– Тихон растопырил пальцы,– Мишка рассмеялся, вспомнив фильм "Джентльмены удачи". Серега, очевидно, тоже вспомнил монолог Косого из этого фильма, потому что спросил Тихона:

– А памятника там, в пиджаке не было случайно?– Тихон недоуменно окинул взглядом улыбающихся "кормильцев".

– Че смешного сказал?– пожал он плечами.– Не было тама памятников. Дерево помню тако-о-е,– опять растопырил он пятерни.

– Береза что ли?– продолжал веселиться Серега.

– Сам ты береза. Че я березу не признаю? Говорю, тако-о-ое... Увижу и сразу место узнаю. Вона, опять к нам кой-то наметом идет, – приложил Тихон ко лбу ладонь козырьком. – Много в этот раз. Андейцы дикие никак. Давай крест Валаамов. Чей-то мне оне не ндравятся, – угадал Тихон, не подвело чутье. "Андейцы" документы проверять явно не собирались и разговоры разговаривать тоже. Засыпали стрелами метров с семидесяти и закружились вокруг троих путешественников. Было их человек тридцать и очень они, по-видимому, были обижены на бледнолицых, вытеснивших их с мест привычной охоты, в эти выжженные солнцем земли. Мимо пролетало не так уж и много стрел. Стреляли эти парни, с перьями в волосах не хуже татар мамаявых.

– Дуршлагами бы уже сделали, если бы не "Завеса", – Серега взглянул на Тихона и посоветовал:

– Лицо прикрывай руками, на него наговор не действует. Если стрела в глаз или рот залетит, то красавцем станешь похлеще Михи, – стрелы отскакивали от "Завес" и хрустели под копытами лошадей.

– Ну, скоро у них эти деревяшки кончатся? – занервничал Мишка. – Может пугнуть их? Вон – Тихона одного, с саблей хватит.

– Нет, Миш, Тихоном мы рисковать не можем. Швырни в них пару "градин дымовых". Может, отвяжутся?

Мишка достал из дорожного рюкзака две "градины" с полосами, обозначающими дым безвредный, и запустил их в индейцев. Однако, дымище поваливший и окутавший сразу метров сто квадратных впереди, похоже, только раззадорил краснокожих. Один из них, махнул томагавком и ткнул им в сторону бледнолицых.

– В атаку идут. Сейчас рубить своими топориками начнут. Вы их на смерть не бейте, мужики, – попросил Мишка. – Им и так хреново здесь. Навалием по шеям, да и дальше поедем. Плашмя саблями бейте, – налетевшие же на них аборигены рубить томагавками принялись совсем не понарошку. Махали так задорно и с огоньком в глазках, что не прошло и одной минуты, как ни у кого из них не осталось в руках целого. Размочалили о "Завесы". Парни с улыбками наблюдали, как мечутся вокруг них краснокожие наездники, по пояс голые, с перьями в длинных волосах и с рисунками на лицах. Иногда поднимая руки и перехватывая удары, направленные в лицо. Дым тем временем рос ввысь и вширь.

– Одной вполне бы хватило, – сделал вывод Мишка, – наблюдая за дымовой завесой, наползающей на них. Еще пять секунд и их накрыло дымное облако. Причем густое настолько, что вытянутой руки видно не стало.

– Выходим в сторону ветра, – скомандовал Серега и, раздвигая толпящихся вокруг краснокожих, двинул Верку. Та легко расшвыривала встречающихся ей на пути местных, полукровок и через 30-ть секунд уже вынесла его на чистое место. Следом из дымовой тучи выскочили и Мишка с Тихоном, причем за спиной у последнего сидел индеец и дубасил его по голове огрызком рукояти томагавка.

– Уберите от меня этого ирода, – попросил Тихон. – Стучит и стучит, аки дятел, – Мишка схватил шустрого воина за ухо и, выкрутив его, заставил "агрессора" спрыгнуть с Манькиного крупа. Причем лицо перекошилось, у размахивающего руками индейца, как у нашкодившего пацана, попавшегося у запретной банки с медом.

Не обращая внимания на крики, которые при этом издавал "чунганчгук", Мишка слегка поддал ему ногой под зад, зашвыривая обратно в дымовую завесу. А из нее уже выметались, отплеываясь и кашляя, остальные воины племени "чероки", "ням-ням" или Бог их знает какого. Мишка включил синтезатор и крикнул во все горло:

– Эй, кто тут вождь? Поговорим, давай пока дымится наша трубка мира, – услышав родную речь из уст "бледнолицего", краснокожие даже слезы и сопля вытирать перестали и столпившись в пяти шагах от них, принялись обсуждать это необыкновенное чудо с непосред-

ственностью аборигенов, совершенно не заботясь, понимают ли их те, кого они обсуждают. И слышат ли. Синтезатор выхватывал фразы и сыпал их в уши, как придется и, тем не менее, было понятно, что аборигены озадачены и изумлены до крайности.

– Говорят на чокто диалекте,– пояснил "сурд".

– Эй, Чокто,– крикнул опять Мишка.– Вождя сюда. Живо! Что за манера встречать гостей? Бизонье дерьмо,– индейцы опять загалдели:

– На нашем языке совсем, как мы говорит. Даже ругается, как мы. Может он наш? Может он приехал в гости. Смотрите, как громко он кричит. Совсем как мы.

– Ну, вы долго еще будете трепаться? Вождь где?–

подгонял их Мишка. Наконец, растолкав своих сородичей, вперед выехал вождь. Был он мужик еще ничего. И на голове у него, торчала перьями корона, опускающаяся на спину. Пестрые перья, уже пообтрепались изрядно и выглядели убого, но вождь гордо озирает "бледнолицых" орлиным взором и с надменностью польского шляхтича, произнес:

– Я – Зоркий Орлиный Глаз из племени Чокто. Наши вигвамы разорены и мы на тропе войны. Кто ты, бледнолицый, и откуда знаешь язык наших предков?– вождь задрал нос, который походил на орлиный клюв и стукнул себя в голую грудь открытой ладонью левой руки. В правой, он сжимал маленький топорик, который Мишка не стал бы покупать даже для разделки мяса на кухне:– "Томагавки, блин. Не серьезное оружие. Правда, вроде как они их швырять горазды, но, похоже, у них всего один этот и остался. Ну что ж, начинаем врать, что-нибудь покрасившее. Дикари любят сказки»,– Мишка вздохнул и начал "вешать лапшу на уши" Зоркому Орлиному Глазу с сородичами:

– Меня зовут – Длинная Нога, а вот его Крепкая Рука,– ткнул Мишка пальцем в Серегу, ну и вот этого звать "Широкое Плечо",– представился Мишка.– Мы идем из-за скалистых гор, что уперлись в самое небо, во– о– о– н там,– Мишка махнул рукой себе за спину.– Наше племя Ням-Ням и мы тоже на тропе, потому что очень надоело смотреть, как разоряют наши вигвамы поганые бледнолицые. А язык наш такой же как ваш, потому что много зим назад, вот его пра– пра– пра– бабка, которую звали Хитрая Змея, ушла в вигвам вот к его пра– пра– пра– деду, которого звали Скользящий Лис. Они сбежали, потому что любили путешествовать и хотели дойти до берегов моря, которого никто еще не видел, вон за теми горами,–

Мишка перевел дух и "запел" дальше:

– Когда на нашей земле появились "бледнолицые", то они принесли с собой не только свои глупые обычаи и огненную воду, но и болезни. Наше племя заразилось их поганой болезнью и стало умирать,– слушающие его краснокожие, сочувственно зашмыгали носами и закивали.– Все умерли, вигвамы опустели и только мы трое выжили, чтобы мстить. От хвори бледнолицых, побелела и наша кожа, но мы благодарны великой покровительнице нашего племени – Большой Медведице, которая смотрит на нас с ночного неба и хранит. Она пришла во сне, вот к нему,–

Мишка потрепал Тихона по плечу.– И сказала ему:– "Широкое Плечо, теперь вас не будут поражать стрелы, пули, сабли и томагавки. Идите и начистите рыло бледнолицым",–

Мишка торжествующе потряс кулаками над головой и, стукнув себя в грудь, добавил:

– Я все, блин, сказал!– индейцы восторженно затрясли над головами рукоятками томагавков без топоров и издали воинственный клич.– "О– во-во– во– во– во– во– во!!!"

– Ну как?– поинтересовался Мишка у Сереги.

– Бредятина охеренная,– буркнул тот. А Тихон добавил вполголоса:

– Это я сказитель? Блин с пирогами. Слов нет... одни блины на ум почему-то приходят.

Ох, горазд ты, Миха, байки плести.

– Ну, дык. С кем поведешься...– огрызнулся тот.

Тем временем Орлиный Глаз поднял руку и его соплеменники затихли.

– Мы слушали тебя, брат, и наши сердца плакали. Приди в мои объятия. Смерть бледнолицым, наполнившим наши земли горем. Мы не уйдем с тропы войны, пока хотя бы один из них еще будет топтать нашу землю – или пока не погибнем сами. Я сказал!!! – вождь поправил, сползающее на глаза убранство из перьев и тронул свою лошадь, подъезжая вплотную к внезапно обретенным "сородичам". Первым он обнял Мишку, обдав его запахом пота и табака, затем Тихона и Серегу. Остальные "сородичи" также принялись обнимать троицу в том же порядке.

– Родни теперь у нас завались. Пол-Америки,-

Серега хлопал дружески, обнимавших его краснокожих и те морщились от боли, но не роптали, а радовались, что у них такой крепкий парень появился в племени.

– Почему вы одеты, как бледнолицые? О, брат наш, Длинная Нога, и где ты получил такой красивый удар по лицу томагавком? – осведомился Зоркий Глаз, принимая из рук одного из индейцев раскуренную трубку.

– Мы косим под бледнолицых, чтобы подкрадываться к ним поближе, – объяснил Мишка. – А удар я получил не томагавком, а саблей, когда Большая Медведица еще не пришла во сне вот к нему. Широкое Плечо, хлебрезку закрой, а то в нее может, что-нибудь залететь. Шмель, например, – Тихон с любопытством разглядывающий "диких", щелкнул челюстью – ужасно рассмешился этим всю честную компанию, спешившуюся и усевшуюся в кружок перекурить.

– Хороший табачок, – похвалил Серега, пыхнув дымом, а Мишка, никогда не куривший и поэтому набравший дым только в рот, удивленно уставился на Тихона, который цапнув трубку, всосал в себя добросовестно столько, сколько смог и теперь сидел, выпучив глаза. Мишка хлопнул его по спине, и Тихон согнулся пополам в диком кашле под веселый гогот "сородичей".

Вот так и влились в дружную семью Чокто. С шутками, прибаутками и клятвами отомстить поганым бледнолицым, своротив им рыло. Причем незамедлительно.

Орлиный Глаз предложил не откладывать в долгий ящик это святое дело и отправиться в ближайшее стойбище захватчиков немедленно, тем более что в племени закончились продукты и ничего кроме пары понюшек табака не осталось. А дымом сыт не будешь.

– Ну, что ж, – кивнул Мишка. – Насчет, пожарить мы всегда за. Особенно на халяву. Куда идем? –

Орлиный Глаз тут же поделился соображениями и планами, которые он еще вчера наметил на день сегодняшний:

– Совсем рядом есть стойбище бледнолицых воинов. Они везли продукты и оружие в форт на юг, и второй день стоят на берегу, ждут. Чего? Этого Орлиный Глаз не знает. Повозок пятьдесят всего и охраны бизон чихнул. Вырежем по-быстрому и возьмем то, что они там припасли. Заодно и форту подгадим.

– Хороший план, – одобрил Мишка.

Появившиеся лазутчики доложили, что бледнолицые по-прежнему стоят лагерем и дымят кострами. – «Всего бледнолицых около сотни и все с ружьями, но Чокто не боятся, их луки стреляют быстрее, чем плюющиеся огнем палки».

– Мы подойдем и нападём на них внезапно, – принял окончательное решение вождь и повел племя к реке.

– Перебьют же их там на хрен всех, – высказал свое мнение Серега, трогаясь следом за пылящим племенем. – Этот Орлиный Клюв попросту придурок. С одними луками и ножами, против винтовок и сабель, – однако, он недооценил вождя. Партизанскую тактику тот усвоил видать с молодых ногтей. Племя действительно сумело подойти к лагерю, стоящему на берегу реки, практически вплотную, прячась за складками местности, и застало «бледнолицых» врасплох.

Оккупанты, выстроив из повозок, что-то вроде стены, расслабились и занимались на берегу хозяйственными делами. Половина из них ползала по отмелям с сетью и ловила рыбу, остальные сидели у костров и что-то там хлебали. Вобщем, лагерь бесечно отдыхал и расслаблялся. Когда индейцы выскочив, засыпали солдат стрелами, то только десяток из них – не более, успели схватиться за винтовки, составленные в козлы. Кто-то даже успел пальнуть пару раз, пока не получил стрелу.

Бой? Какой там бой? Бойня. Тренькнули тетивы по несколько раз и от отряда в сотню человек остались жалкие останки, пытающиеся спастись вплавь. До противоположного берега доплыли, борясь с течением, человек десять.

– Этих сожрут койоты, – махнул рукой в их сторону Орлиный Глаз. Он объезжал захваченный лагерь, а его воины сноровисто срезали с трупов скальпы и осматривали поклажу.

– Хорошая добыча сегодня у нас, – вождь спешил и открыл сундук, который вытащили его воины из повозки. Сундучок оказался битком набит монетами и вождь плюнул в него.

– Опять бледнолицые везут свои деньги. Это жалованье для воинов форта. Их белый вождь, которого они зовут Король, платит им это золото за то, что они убивают нас. Вышвырните все в реку, – четверо индейцев схватили сундук и поперли его к воде.

– Эй, стойте, – Мишка спрыгнул с Лерки и снова открыв крышку, взял несколько монет. – Испанские. Рожа какого-то ихнего короля. Зачем ты выбрасываешь деньги, Орлиный Глаз?

– Чтобы солдаты в форте их не получили, – задрал тот свой нос.

– Но ведь на них можно много чего купить. Продовольствие, оружие, – не понимал Мишка.

– Нам не продадут. Нас убивают, – ответил резонно Орлиный Глаз.

– Правильно. Вам не продадут. Нам продадут. Мы же похожи на них. А если переоденем твоих людей в их одежду, то сможем въехать в любой городок бледнолицых и взять все что угодно – без стрельбы и крови. Бледнолицые, за золото, мать свою продать готовы.

– Ты говоришь разумные слова, –

Орлиный Глаз заинтересовался идеей. – Но мы индейцы Чокто никогда не станем одевать одежды бледнолицых. Это отвратительно.

– Делов -то, потом снимете и оденете опять свое. Это военная хитрость, Орлиный Глаз. Сколько можно воевать луками и томагавками? Пора осваивать винтовки. Они сделают вас сильнее. Смотри, – Мишка поднял валяющееся под ногами оружие. – Примитивная, конечно, хрень. Штуцер через ствол заряжающийся, зато смотри, сколько грохота и вони, –

Мишка пальнул в сидящую на камне метрах в пятидесяти ворону и сумел даже в нее попасть. Только перья полетели черные.

– Не хотите ружья. Купите новые томагавки. Бледнолицые делают отличные топоры, ножи и сабли. Возьмем пустые повозки, переоденем твоих воинов и в городе бледнолицых забьем их продуктами и оружием. Построим свой форт. Соберем туда все рассеянные индейские племена и вернем наши земли.

– Мы живем в вигвамах, Длинная Нога. Мы не будем жить так, как живут бледнолицые. Если мы построим такие дома, как у них и оденем их одежду, то кем тогда мы станем? Мы станем ими. Мы забудем язык предков и станем бледнолицыми. Ты этого хочешь?

– Нет, я этого не хочу. Но если мы будем воевать с ними только луками и томагавками, то они нас перебьют рано или поздно. Их много. Там за горами, – Мишка махнул рукой в сторону гор. – За этими придут другие, потом еще и еще. Они заполнят наши земли. Нужно брать то, что они приносят с собой и для этого нужно беречь золото, а не швырять его в воду. Это же так просто.

– Ты будешь учить меня, как нужно жить? – обиделся Орлиный Глаз. – Если тебе нужны эти монеты, возьми их. А мы не станем торговать с бледнолицыми. Отдайте ему золото бледнолицых, –

Мишка пожал плечами и, кивнув на крытую тентом повозку, велел воинам, растерянно топчущимся рядом с сундуком, поставить его в нее.— Ты совершаешь ошибку, Орлиный Глаз, и скоро поймешь это.

— Я все сказал,— вождь повернулся и принялся распоряжаться. Воины забегали, выбрасывая из повозок лишнее и загружая в них полезное. Лишним оказалось огнестрельное оружие и трупы их недавних владельцев. Из них аккуратно выдернули стрелы, по-хозяйски добив еще живых и подающих признаки жизни.

— Это не «зоркий орлиный глаз» — это «слепой глаз»,— пробормотал Мишка, складывая в повозку пару десятков пищалей,— мушкеты ему вишь ли не нравятся. Дурак. Вот поэтому и живут в резервациях, в самых хреновых местах.

— И чего ты привязался к нему?— Серега пнул ногой штуцер.— На хрена ты их собираешь? Домой что ли собрался тащить? Его пока перезарядишь, десять стрел успеешь получить. Прав вождь. Вонь одна. Прицела нет, гладкоствол. Удивительно просто, как ты в эту ворону попал вообще. Вот когда появятся настоящие винтари, тогда они,— кивнул Серега в сторону индейцев и без твоих подсказок сообразят, что нужно ими вооружаться. Особенно кольца им понравятся. Не сомневайся. А это дерьмо. И пока годится только по воронам палить.

— Ну а золото? Тоже он прав?

— Тут, конечно, маху вождь дает. Спыхватится потом, конечно. Когда за задницу возьмут. Но ничего не изменить. Белые заселят Америку. И негров завезут из Африки, и небоскребы построят. А золото... вон Тихону пригодится. Хозяйством обзавестись. Найдем пещерку, да и в Муром. А там до Москвы рукой подать. Завтра бы уже там были. Чего ты привязался к этому чуду в перьях?

— Да жалко чего-то стало. Фильмы вспомнил с этим... Гайкой Митричем.

— Гойко Митичем? Так он вообще румын и физкультуру в школе преподавал. Плюнь, поехали. Вон, уже ребята собрались,— индейцы, переложив продовольствие в десяток повозок, подожгли остальные и, согнав трофейных лошадей в табун, уже поворачивали в сторону от разграбленного лагеря.

— Ну что? С ними? Или пошли они ко всем чертям?

— Да пошли они. У нас своя свадьба. Догони, Серега, этого носатого и скажи ему, что мы не пойдем с ними. Пусть валят,-

Серега пришпорил Верку и, догнав вождя, принялся что-то ему "втирать в уши", жестикулируя и показывая в сторону противоположную той, в которую двигалось племя с добычей. Вождь отрицательно мотал головой, возражая, Серега настаивал и Зоркий Глаз, в конце концов, не выдержал и, остановив лошадь, заорал на него так, что даже Мишка с Тихоном услышали этот крик, находясь уже в ста метрах:

— Да пошли вы нахрен,— услужливо перевел сурд.— Катитесь к такой-то матери. Без вас как-нибудь проживем, мать вашу,-

орал вождь, поднимая свой авторитет.— Тоже мне умники, блин,— и хлестнув лошадь, унесся вперед. Серега развел руками и вернулся обратно.

— Чего ты там ему впаривал, целых десять минут? Чего это взбесился-то Орлиный Хрен?—

Мишка перехватил поводья Маньки и кивнул Тихону на повозку: — Давай, Тихон, за кучера. Там твое приданое в основном. Так что тебе и рулить.

— Да, предложил ему на север пройти по стойбищам и собрать индейцев всех в один кулак, а потом врезать по форту. Ну, ему не понравилась идея. Хапнул сегодня провизию и пока не сожрут, теперь им все пофиг. Одним днем живут, аки птахи небесные. Хрен с ними. Никого убивать не пришлось — уже хорошо. Поехали. Тихон, как тебе местность? Ничего не напоминает? Вон дерево на берегу раскорячилось,— на берегу росла кривулина, неизвестной породы. Тихон щелкнул вожжами:

– Не– е– е – это мелко больно. То такo крупно было. А эт че? Кустик. Там такo было. Древо. О-о,-

растопырил он опять свои клешни.

– Ну и ладно. Не то – дак не то. Едем искать то,– вздохнул с сожалением Серега, которому явно надоело трястись в седле, под палящими лучами солнца.

– А вона людишки опять встречные,-

сообщил Тихон.– Не степь, а прямо тракт прямоезжий. Толчея и все нервенные,– вздохнул он сокрушенно.– Хлопать по кресту, аль так сойдет?

– Хлопай. Хрен тут так чего сходит. Действительно "нервенные" все какие-то,– ответил ему Серега.

А очередные встречные, всего с сотню кавалеристов, в форме регулярной армии, двигались на них в колонну по три. Впереди трясся на вороном жеребце офицер с солидным брюшком. Кавалеристы в треуголках и при шпагах, следовали за ним с пыльными лицами. Видимо рассмотрев их еще издали в подзорную трубу и посчитав не опасными, скачущий впереди толстяк, не нашел нужным даже останавливать колонну, а попросту махнул рукой и пропуская бравое воинство мимо, обратился к парням, приложив два пальца к треуголке:

– Франко дон Хуан. Полковник армии его величества Короля Испании. С кем имею честь?

"Опять врать нужно",– скривился Мишка и нехотя представился:

– Хулио, Антонио и Билл. Местные подданные его императорского величества короля Испании. Следуем по хозяйственным нуждам,-

Франко, обрадованный, что встретил "подданных Испании", расплылся в доброжелательной улыбке:

– Рад встретить в этой глуши соотечественников. Мы идем в Форт. Не встречался ли вам на пути следования обоз, господа?

– Еще как встречался, господин полковник. Вон, за тем холмом. Вы увидите то, что от него осталось. Индейцы. Всех убили.

– Канальи. Вы их видели?

– Нет, господин полковник. Слава Богу, нет!– Мишка истово перекрестился и тут же понял, что совершил роковую ошибку,– глаза полковника полезли из орбит, а рука потянулась к эфесу шпаги.

– Колонна стой,– рявкнул он и, потянув шпагу из ножен, почти ласково попросил: – А перекрестись-ка еще разок "подданный его королевского величества",– Мишка, понимая, что влип с крестным знаменем по самые уши, креститься не стал, а попробовал выкрутиться из щекотливой ситуации, как обычно языком "вешая лапшу на уши".

– Да, полковник, мы православные, если это вы имеете в виду. У его королевского величества много владений в разных концах земли. Есть и православные. Или вы против этого? А свобода совести? Вам не преподавали Римское право в военной академии?– решил перейти в наступление Мишка, как к лучшей форме защиты.

Полковник, остановивший колонну и собравшийся по-видимому, как следует тряхнуть подозрительных "подданных короны", несколько смутился, но подозрительности не утратил.

– Что ж, господа, возможно, что вы лояльные "подданные" и мне без разницы, как вы там веруете во Христа, однако сдается мне, что все не так просто. Кто нынче на престоле Испании?

"Картина Репина" – приплыли. Хитер полкан. Вопросец-то плевый для современника, а нам, откуда знать, кто там сейчас на троне в этой гребаной Испании?"

– Может вам еще гимн города Мадрида спеть?– все же огрызнулся Мишка.– По какому праву вы учинили нам допрос? Мы будем жаловаться Вице-Королю,- полковнику вдруг стало весело от его слов.

– Может быть, вы тогда назовете его имя?– саркастически произнес он и, повернувшись к стоящим кавалеристам, скомандовал:

– Арестовать до выяснения. Капрал Мигель, выполнять.

Глава 3

Капрал – здоровенный детина, немедленно приступил к выполнению приказа начальства и рывкнул своим подчиненным:

– Взять!!!

– Опять, – простонал тоскливо Мишка. – Надоели. Так мы никогда не доедем до места. Серега, чистим рожи бледнолицым, как обещали Зорькому Хрену. – и вмазал плюху надоедливому полковнику, который был как раз под рукой. Толстяк от его удара вылетел из седла и повис, запутавшись ногой в стремях. Следующим получил по загривку капрал, а потом Мишка, уже не разбираясь, отвешивал плюхи, вышибая испанцев из седел. А те, как ни странно, не пытались применять против них оружие, а норовили выполнить приказ начальства, т. е. арестовать. Вот что значит дисциплина. Сказано «арестовать», значит «арестовать» и ни каких там "заколоть", или не дай Бог "застрелить". Вся сотня легла в нокаутах, но никто не схватился за шпагу или мушкет.

– Ну, вот вроде и все, – оглядел Мишка "ринг". – Вроде всех нейтрализовали? Поехали. Кинь им, Серега, "градину" со снотворным, пусть покемарят часок другой. Какая зануда у них – этот Франко. Не удивлюсь, если предок того самого, который фашист.

– Да у них этих Франко, как у нас Сидоровых. У них даже деньги вроде франками называются, – возразил ему Серега.

– У Гишпанцев Пиастры и Песо, –

влез в разговор Тихон. – Вот те, что в сундуке – Гинеи аглицки. А Пиастры все серебро. Я золотых не видал. Может, и нет вовсе. У нас рупь серебрянный, да ефимки по 64-ре копеек ходют. А ихни, вот здесь – песы.

– Верим, разбираешься, – Серега обернулся и швырнул "градину" в разбредшееся стадо испанских лошадей. В седлах, которых висели нокаутированные кавалеристы "его величества короля Испании".

– Может вообще всех вот так усыплять встречных и поперечных и не доводить до "разборок" с рукоприкладством? – спросил он Мишку, наблюдая, как клубы дыма окутывают лошадиное поголовье вместе с наездниками.

– Гони, Тихон, колымагу и смотри дерево свое не прозевай «вот такое», – передразнил Мишка Тихона, растопырив пятерню. Серега засмеялся, а Тихон не понимая, что вообще смешного может быть в "басурманском" дереве, подхлестнул вожжами пару кляч, впряженных в повозку и едва переставляющих ноги.

– Так ить, задохлые коняги. Не кормили оне их чоли? Мать иху... – посетовал он.

– Давай перекинем монеты из сундука в "Троянов" да и ускоримся, Миш? – предложил Серега шепотом, поравнявшись с Мишкой.

– А как ты, Тихону, "Троянов" объяснишь? Старцы Валаамовы намолили? Совсем заврались. Чем дальше, тем стремней, – прошипел тот в ответ ему на ухо.

– А лошади тебе, Тихон, в хозяйстве сгодятся, – прибавил он громкости. – И ничего они не клячи. Вполне еще ничего себе. Вон, зубищи какие. Подкормить, как следует, и пахать да пахать еще на них, – принялся расхваливать Мишка кляч. – Просто пол-Америки уже дилижанс этот волокут, вот и притомились малость. А как к нам в Россию попадут, да травки нашей пощиплют, так сразу лет на двадцать помолодеют, – разошелся Мишка.

– Чего ты несешь, конский знаток? Лошади вообще живут лет двадцать. – хмыкнул Серега, а Тихон удивился:

Эт мы че, кляч сих в Расею повезем?

– А что? Нормальные лошади, – опять завелся Мишка.

– Так ить околеют в дороге. А за перевоз сколь запросят? Дешевше в Расее будет пять таких купить, – возразил Тихон. – Здесь продать – там купить. И мороки никакой. Но-о-о, болезни.

– "За морем телушка – полушка, да рупь перевоз", – поддержал Тихона Серега.

– Коммерсанты, блин, – Мишка прищпорил Лерку и унесся вперед, высматривая "вот такое" дерево. Но что-то особенных деревьев не наблюдалось, тем более что степь-прерия горела по-видимому периодически и вырасти, что-то на ней кроме, колючей даже на вид травы, просто не могло в принципе. Не успевало.

– Вот оно древо-то, – заорал радостно Тихон, указывая на невзрачный кустик, каким-то чудом выросший прямо из расщелины здоровенной гранитной глыбины. – Я же говорил – такое!

– Ну, блин – "древо", – уставился Мишка на куст. – Ладно, хрен с ним, пусть древо. Где пещера, Сусанин?

– Руковишниковы мы, – поправил его Тихон, вылезая из тарантаса, который он умудрился притереть к самому камню. – Сразу там за валуном и есть.

Пещера, а точнее нора, чернела прямо под этой же гранитной глыбиной.

– Место правильно выбрано, в смысле безлюдства. Ну что, Серега, нырнули с детектором? Жди, Тихон, здесь, ежели что, то шумни. Оберег не снимай, лошадей распряги, пусть пасутся, – распорядился Мишка.

Метров пять пришлось ползти на четвереньках, подсвечивая фонарями, потом пещерка раздалась в ширь и слегка приподняла своды. Еще шагов десять прошли согнувшись и уперлись в каменную стену.

– Все, пришли вроде, –

Мишка включил детектор и сразу нашел, то, что искал.

– Режем здесь, – квадрат вырезали в этот раз размером побольше, от низа и до верху.

– Метра три всего показывает расстояние, странно, что не зафиксирован этот аппарат в архиве. Не похоже это на ребят из ХЦХ. Они же педанты. Вынимай куски, в этот раз потолще, чем в Муроме, само не выпадет, – пришлось резать гранит на мелкие фрагменты и вынимать их, заползая в глубину квадратного туннеля. Прокопались полчаса, пока сумели попасть в следующее помещение и облегченно вздохнули, увидев лежащие рядышком три цилиндра. Потолок в этом помещении позволил разогнуться и парни, выпрямившись в полный рост, принялись развинчивать аппараты, поставив их вертикально. В первом оказались средства выживания и только во втором обнаружили привычную уже светофорную клавиатуру. Активация прошла тоже без проблем и на экране появилась знакомая физиономия Сура. Он как обычно сидел за столом и что то выщелкивал на клавиатуре ЭВМ-компьютера, если на западный манер.

– Привет, Сур. Как там на Венере? – пошутил Серега.

– А хрен ее знает, – пожал плечами Сур. – Чем могу?

– Мы вот тут еще один аппарат обнаружили в Америке на берегу реки. Взгляни на карту. И как это прикажете понимать? Что за бардак в королевстве Датском? Почему неучтенка?

Сур улыбнулся:

– Вопрос понятен. Отвечаю. Эта "неучтенка" образовалась в результате хищения аппарата из хранилищ ХЦХ. Неустановленными криминальными личностями. Активацию не проходила, пленку не поддавалась и была списана, как утерянная.

– И часто у вас такое случалось? Ну, хищения из хранилищ?

– Вопрос понятен. Нет. Всего дважды. Но со списанием без возможности пленга только этот случай. Первый мы запленговали и вернули. Второй преступники активировать не стали или перенесли на более позднее время.

– Почему же он заработал и забросал пирамиду гадюками и людьми? Четыре землянина, между прочим, пострадало невинных.

– Соболезнуем родным и близким покойных, прижал руку к сердцу Сур.– А не хрен было лезть куда не надо,– добавил он подмигнув.

– Ну, ты прямо, как наш президент "понимашь". Свой в доску,– усмехнулся Серега,– Значит, почему заработал этот агрегат, сам по себе через столько веков, ты ответить не можешь?

– Вопрос понятен. Отвечаю. Версия только одна. Те, кто его проектировал, ввели именно в этом экземпляре автоматическую активацию через определенный период времени бездействия. Для определения его пространственных координат.

– Что же он так долго не включался? И почему зашвыривал в пирамиду объекты?

– Ну, он, может быть, во все места зашвыривал, чтобы его обнаружили. Вы ведь этого не можете знать точно? Кроме пирамиды ни где нет собственной компактной системы безопасности с видео и звукофиксацией,– возразил Сур.

– Спасибо. Ну что? В Муром? Аппаратуру в пирамиду и вперед в Москву 1793-го. Обещали Тихону помочь,–

Мишка махнул рукой, останавливая Сура, который явно собирался продолжить пояснения.– Понятно, Сур, что ни черта тебе самому не понятно, а фантазировать мы и сами умеем – будь здоров. Ну что, Серый, поехали?

– Давай!– Серега защелкал по клавишам.

– Ну вот, все на месте. Монастырь, городишко. Где Тихон?

– Здесь мы,– услышали парни его голос за спиной и, обернувшись, увидели Тихона, держащего под уздцы всех лошадей.– А телега вона стоит с сундуком,– кивнул Тихон вниз,– не поместившаяся на тропинке повозка, стояла у кромки воды и рядом с колесом стоял сундук.

– Хрен мы ее оттуда вытащим,– прикинув крутизну берега, пришел к выводу Мишка.– Бросаем. Спускаемся, монеты по мешкам рассуем и вперед с песнями в Москву. Там денег-то всего кило сто. По два пуда на брата,– Тихон уставился на него раскрыв рот:

– Кака Масква? Мы таперя че не в Америки?

– Нет, Тихон, уже почти дома. Тут верст двести, если напрямик, а если по дорогам, то триста,– Мишка запрыгнул в седло и принялся спускаться, посоветовав Тихону:

– На Маньке спускайся, а этих тут оставь. Обратнo пойдем и заберем.– Серега двинулся следом, а Тихон стоял, растерянно озираясь и скребя пятерней в лохматой голове. Наконец, увидев, что парни открыли крышку сундука и перегружают монеты, махнул рукой, плюнул через плечо три раза, пробормотал:

– Сгинь нечиста, силою пречистого креста Господня",– и забравшись на Маньку, спустился тоже.

Лошаденки, перенесенные в Россию из Америки может от резкой перемены места жительства, совсем сдали. Одна даже захромала и ждать пока они отъедятся на русской траве и придут в себя, "помолодев на двадцать лет" не стали. Сбагрили их первому попавшемуся желающему мужичку почти даром, приведя того, низкой ценой, в несказанную радость.

– От ить аказия кака,– сетовал Тихон.– Из самой Америки перли животину, чтобы задарма отдать.

– Тебе, Тихон, сейчас о семье думать уже пора, а не о клячах. Через денек уже с Маней будешь чай гонять, если все Слава Богу. Забудь про доходяг. Как пришли, так и ушли. Халява, брат, никому пользы пока не принесла, только жаб плодит,– пытался урезонить его Серега.

– Мудрены словеса глаголешь. Нам сие не панятно. Пашто жаб? Халява? Что значит сие?– не понимал Тихон.

– Не бери в голову,– отмахнулся от него Серега.– Халява – значит бесплатно. А жаба – жадность.

– Да дежа даром?– удивился Тихон.– Я три года по Европам, да Америкам вшей кормил. А жадность и де? Жаба? Это ить не жаба – это хозяйская рассудительность, мать растудыт.

– В Москву приедем, купим тебе лошадемок поклуче этих. Рысаков Орловских. Шевели копытами,– пообещал ему Мишка.

В Москву въехали на другой день, колокола церковей звонили вокурат к обедне и Тихон, прыгнув с Маньки, перекрестился на ближайшине купола и, встав на колени, приложился лбом к земле.

– Во, как пробилло ностальгией парня,– кивнул на его согнутую спину Мишка.– Тоска по Родине – это тебе не хухры-мухры. Эй, Тихон, кончай землю целовать. Куда ехать показывай. Мы в Москве первый раз. Ни разу не были. Где тут чего не знаем. Заблудимся на хрен в этой деревне.

– Как не были?– удивился Тихон.– Купцы и не бывали?

– А чего в ней бывать? Нам и в Новгороде с Питером торговли хватает. Поехали на Сенной рынок. Где тут у вас лошадами торгуют?

– Сперва мабудь на двор боярский заглянем?– предложил Тихон.– Как там, да че выведем. Тут не далече. У него – Грязнова, подворье здесь, рядом уже.

Дом боярина впечатлил. Каменный с колоннами и башенками в два этажа, он стоял построенный на века и обнесенный новомодной, кованой оградой с вензелями и завитушками, гордо белел в глубине сада, поблескивая стеклами окон.

– Ничего домик у боярина. Пожар в 1812-м наверняка перенесет. Поди и до двадцатого века достоин. Повесят табличку мемориальную "Здесь жил Тихон Руковишников – великий путешественник Российский" и сделают музеем-усадебой,– высказал свое предположение Мишка. Серега улыбнулся, а Тихон зыркнув из-под насупленных бровей, окликнул мальчонку лет десяти, явно из дворовых боярских, собирающего опавшие листья. Пацан ползал на четвереньках под деревьями, ломившимися от яблок и собирал листья в мешок, край которого держал в зубах.

– Эй, малец, подь ка сюда,– крикнул ему Тихон. Пацан приподнял вихрастую головенку и уставился на него. Потом поняв, что зовут именно его, неохотно встал на ноги и подошел, волоча за собой мешок с листвоу.

– Ты че это тако делаешь?– Тихон ткнул в мешок пальцем.– Почто лист гребешь в мешок руками? Аль метел с граблями в хозяйстве у боярина нет?– мальчонка вытер рукавом обтрепанной рубахи сопливый нос и пропищал, боязливо косясь на незнакомых дядек:

– Барыня велела собрать. Че надоть?

– Держи пятак. Пряников купишь,– Тихон вытащил монету и сунул ее в грязную ладошку.– Где боярин ныне с боярыней?

– В усадьбе,– радостно блеснул глазенками паренек, сглатывая слюну. Видать уже мысленно давился пряниками.– Где жа им быть?– и дальше, уже без расспросов дополнительных, рассказал о хозяевах все, что знал. Вплоть до интимной их жизни.

– Голосит, говоришь, по ночам барыня-то? Бьет ее чולי боярин-то?– переспросил его Тихон.

– Не– е– е. Не бьет. Синяков, али шишков утром нет. Любит так-то,– малец хитро блеснул глазенками.

– А на што боярыне энти листья опалые?– заинтересовался Тихон.

– Так ить она из них снадобья варит и кожу им натират. Чёб красивше быть,– выдал пацан и потряс мешком.

– Ишь ты. Народная косметика,–

удивился Серега.– Молодая барыня-то?

– Молодая?– не понял вопрос малец.– Не– е– е. Пожила уже. Годов уже...– он растопырил пальцы и зашевелил губами, подсчитывая года барыни.– Во... двадцать и еще семь.

– Старуха совсем,– ухмыльнулся Мишка.– Злая, поди, от старости-то эдакой?

– Строгая,– вздохнул пацан и потрогал правое ухо, которое явно было больше левого и краснее.– Чуть че, за уши хватат,– и опять вздохнул.

– Звать-то как тебя, недоросль?–

полюбопытствовал Серега.

– Митрием Селивановым зовусь,– шмыгнул носом тот и Тихон, замер, перекрестившись.

– А мамку твою как?– спросил он хриплым голосом.

– А мамку Марусей звать.

– И где она? Жива ли?– Тихон даже за пику ограды схватился от волнения.

– Жива-а-а. Хворат тока. Как папаню запродали бояре, так и хворат. Теперь на кухне, а раньше на скотном дворе за курями смотрела.

– Вона как!!!– Тихон стоял, уставившись на сына.– А ты меня не признаешь, сынок?– тот поднял глазенки и взглянул удивленно на него. И вдруг бросил мешок и заорал, так что Верка, Лерка и Манька шарахнулись:

– Тятя– я– я!– пацан кинулся к решетке и повис у Тихона на шее. А тот бормотал, сглатывая набегающие слезы:

– Вот ить, встренулись, от ить как,– и тискал щуплое тельце, протаскивая его между железных копий ограды. Мальчонка без труда проскользнул между ними и повис уже на его шее окончательно, вцепившись в него так, что Тихон растерянно оглядываясь на спутников, даже руками развел.– "Вот, мол, как".

– Ты, де так долга был, тять? Мамка плачет ночами. Борька помер.

– Помер?– обмер Тихон.– Дык как жа? Давно?

– Тебя запродали и помер,– Митька захлопал носом в ворот Тихона.

– Ну, ладноть, ладноть. Теперя все наладится. Право слово, сын,– Тихон гладил пацана по худой спине, а тот трясся уже в рыданиях толи от радости, толи от горя.

– Вот, блин, достала видать парня жизнь рабская,– посочувствовал ему Серега.– Ну что, пошли боярина навестим? Переодеться только бы надо во что-то попримечнее, пыль американскую стряхнуть с ушей опять же. Мить, тут где гостиница или двор постоялый приличный есть ли? Показывай, а барыню больше не бойся. Пуцай теперя сама себе листья для морды-лица собирает,–

Тихон подхватил Митьку и усадил его перед собой на Манькину шею.

– Ну, где у вас тут чего, веди?– попросил он сына.

Двор постоялый оказался вполне приличный и даже понравился парням своим ненавязчивым сервисом. Пара комнат, которые им немедленно предоставили, выглядели для 18-го века вполне прилично и даже уютно.

– У нас и князя с боярами останавливаются,– суетился вокруг них хозяин заведения, получивший пару рублей серебром вперед и почувствовавший наживу. – Стол изволите в отдельном кабинете накрыть, аль в номера подать? – "Ишь ты – номера", – усмехнулся Мишка, рассматривая "номера".

– Клопы есть?– спросил он, отбрасывая кружевные накидки с пуховых подушек, выложенных пирамидой, чуть ли не до потолка.

– Не извольте беспокоиться, жжем окаянных всенепременно, каждый месяц, а зимой вымораживам,– заверил их хозяин, давя, как на грех выползшее насекомое на спинке кровати. И при этом даже не покраснев.

– Ты вот что, Игнат, как там тебя по батюшке?– глянул в хитрые, бегающие глазки хозяина Серега.– Иваныч? Ты вот что, Игнат Иваныч, пошли-ка кого-нибудь из дворовых за приказчиком из вещевого лавки. Нам кой-чего из одежки прикупить нужно. Поистрепались в дороге из Америк-то, к вам добираясь. Да вели баньку протопить. Завшивели опять, там же. Ключи есть от "номеров"– то, или у вас тут все на распашку?

– Как же не быть!– обиделся Игнат.– Все спроворим в один миг. А банька у нас завсегда на протопе. За приказчиком щас мигом. Не извольте беспокоиться, господа купцы. Ишь ты, нешта из самых Америк к нам та?

– Из самих. Шевелись, давай. Лошадей распрягите и овса засыпьте, не забудьте,– хозяина даже перекосило от обиды.

– Мы свое дело знам, господа купцы. Кони уж давно в конюшне стоят. Абижа-аете!!!

– Ну, извини, коль, что не так,-

Мишка швырнул на огромный дубовый стол, стоящий посреди "нумера" саблю и рюкзак с монетами.– Ключи давай и вперед. Сами тут разберемся,– потом подошел к окну, распахнул его и вдохнул полной грудью свежий воздух. Окна выходили в садик, окруженный высоченным забором из заостренных досок.

– Второй этаж – это хорошо. Моемся парами. Сперва ты, Тихон, с сыном, ну а потом и мы с Сергеем. Что-то рожа мне этого "халдея" не понравилась. Клопа давнул и не поморщился.

– Известно дело – выжига,– согласился с ним Тихон.– Пошли, Митрий, в баньку. Попаримся.-

Выжига, конечно, но дело свое хозяин знал и исполнял с проворством. Не успели гости отмыться с дороги, как заявился приказчик из галантерейной лавки и даже припер с собой кое-что из товаров. Заявился он не пешком, а на тарантасе с двумя здоровенными парнищами, которые занесли в "номер" целый короб разного барахла. От исподнего, до сорочек и сюртуков со шляпами.

Приказчик – шустрый, как крысеныш и чем-то похожий на эту разновидность фауны. Глазками бегающими или носом длинным, шевелящимся при разговоре, согнулся подобострастно и принялся нахваливать свой товар, раскладывая его на стульях, столе и даже кровати:

– Сюртук, господа, извольте взглянуть, из самого Парижу городу вот-с и самого фасону последнего. Все денди их ныне так-то ходят-с. Опять же сорочки из Брюселю и исподнее оттель же-с. А цены у нас на Москве самые непредвзятые-с. Все для покупателей. Себе в убыток торгуем-с,– и почувствовав своим крысиным носом, что труднее всего ему тут предстоит уламывать Тихона, который ковырялся в его сорочках и сюртуках с таким брезгливым выражением лица, что угадать в нем знатока в общем-то было и не особенно сложно, рассыпался именно перед ним мелким бесом. Мишка с Серегой, повертев несколько шляп и примерив, равнодушно отложили их в сторону.

– Ты вот что, галантерейщик, как там тебя? Иван? Ты, Вань, давай вот парнишку приодень по-аккуратнее во все господское. Пошли-ка кого-нибудь из обломов, да обувку ему какую-нибудь пусть припрут. Штилеты и сапоги. Размер пусть снимут. В общем понял? А мундирами не торгуете ли? Мы с другом люди военные и в статском временно пребываем, а свое пока подвезут... Так как?– озадачил его Мишка. Приказчик с сожалением развел руками.

– Нет-с, чего нет-с, того нет-с, господа военные. Форму ныне шьют на заказ у мадам Лили. Но у нее всегда есть не востребованные. Прикажете узнать? В каких чинах изволите пребывать-с?

– Поручики мы. Он Руковишников, а я Соболев. Посылай. Скажи, что вдвое проплатим, ну и тебя не забудем за расторопность,– стимулировал приказчика Мишка.

Мадам Лили, услышав про двойную оплату, бросила все свои дела и примчалась лично, с тремя хорошенькими портнихами и опять же с двумя носильщиками обломами, прущими на своих плечах короба с мундирами. Разложив их поверх товаров галантерейщика, отмахнувшись от него, как от докучливой мухи, мадам затараторила, мешая французские и русские слова, ужасно их коверкая. Дама была в самом соку и, посверкивая зубками, трясла кудельками над разложенными мундирами.

– Мсье, я отшень ррат, этот мунтирр есть самый лютчий, но компрроме,– Мишка включил "сурд" и галантно представился:

– Поручик Семеновского полка – Соболев Мишель, мадам. Мой товарищ по оружию – поручик Руковишников Серж. Честь имею.

– О-о-о-о!!– присела в книксене мадам.– Какое счастье, что в России есть такие образованные молодые люди. Мсье, я восхищаюсь Россией, но этот язык, эти нравы. Они так грубы. Ваш народ такой... э... непосредственный. Я устаю от этой э-э... первобытности,– нашлась она, как высказать поделикатнее наболевшее.

– Зачем же вы покинули цивилизованную Францию и приехали в нашу дикую, лапотную Россию, мадам?– Мишка прихватил Лили за пухлую ручонку и буквально прижал ее к стене.

– О-о-о-о, Мишель, Франция, к сожалению, сегодня не то место, где можно жить спокойно. Этот ужасный Робеспьер Максимилиан – Бешеная Гиена, эти Якобинцы. Я здесь в России жду, когда во Франции будет снова хорошо. Там сейчас рубят головы на гильотине дворянам, мсье. Я дворянка. Увы, не самая родовитая во Франции, но и моей шее неуютно...

– Вам наверное ужасно одиноко на чужбине, мадам? О, эта эмиграция!– посочувствовал Лили Мишка.

– Да, мсье, я очень одинока,– смахнула слезинку с глаз кружевным платком Лили.– Мой муж – Жак, он умер в прошлом году, и теперь я вдовствую,– мадам окинула Мишку оценивающим взглядом и тут же, таким же взглядом, окинула и Серегу.

– Однако, к делу, мсье, вот мундиры, которые вы хотели видеть. Девочки, помогите господам. Елен, Ефрось, Катрин – живо, живо,– захлопала она в ладошки. И портнихи проворно помогли парням одеть мундиры, застегнув их на все пуговицы и крючки.

– Великолепно, браво. Мсье, сидят как на вас сшито. Здесь совсем хорошо. А у вас, мсье, Мишель, мы здесь и здесь поправим,– Лили воткнула несколько булавок в мундир и распорядилась:

– Катрин, Елен, шьем,– и те тут же присев на стулья, замельтешили иглами с таким проворством, что у Мишки в глазах зарябило.

– Сразу видно – мастерицы,– сделал он комплимент портнихам.– Из Парижа с собой привезли, мадам, девиц?

– Ну что вы, мсье, – это ваши соотечественницы. Немножко усердия, немножко розог и чуть-чуть, как это?.. Мать-перемать, и белешвейки получились, не стыдно шить и для парижанок. Примерьте головные уборы, мсье,– Мишка напялил на голову треуголку и глянув на себя в зеркало остался доволен, подкрутив воображаемый ус. Пушок пробивающийся над верхней губой, однако, вполне их уже заменял и из зеркала на него взглянул, выгнув выгоревшую, под солнцем Оклахомы бровь, вполне даже бравый поручик. Хоть сейчас на Ленфильм и в кадр.

– Годится,– остался он доволен своей физиономией, которую даже шрам не сделал уродливой, а, пожалуй, только добавил шарма. Настоящий рубака и бретер.

Через час портняжки подогнали все как нужно и Серега с Мишкой, облачившись в мундиры, предстали перед всеми в полной красе. Даже портнихи завздохали, украдкой на них поглядывая и смущенно краснея, а Лили просто защебетала, вертясь вокруг новоиспеченных офицеров Российской армии.

– Вот что делает мундир с мужчиной,– всплескивала руками мадам.– Вы неотразимы, мсье Мишель и Серж. Прошу вас сегодня ко мне на ужин. У меня скромный домик на Тверской. Не чинясь, мсье. У меня все просто, без излишних политесов. Прошу в семь часов. Буду ждать и очень обижусь, если не придете,– похоже, что мадам решила взять в свои руки судьбу-злодейку и долбать по ней молотом, выковывая личное счастье, не полагаясь на ветреную удачу – с погонялом "Фортуна".

– Всенепременно будем, мадам,– расшаркался Мишка и подмигнул Катрин, которая, похоже, запала на него не меньше своей работодательницы и не сводила с него, своих синих глаз. Катрин засмушалась и принялась собирать портняжки инструменты, однако нет-нет, да постреливая в сторону Мишки глазками.

Получив обещанную оплату и еще раз потребовав поклясться честью офицеров, что непременно появятся у нее вечером, Лили с портняжками и обломами исчезла, оставив после себя аромат парижских духов и ощущение свежести и легкости бытия.

– Вот ведь бабы, как они так это умеют все обустроить и в воздухах подвесить?! – высказал общее ощущение Тихон. – Пощечечут, юбками вильнут и вроде жить легче, – вздохнул Тихон, потрепав сына по вихрастой головенке. – Скоро и мы нашу мамку заберем у боярина. Она господу ахфицеры, шас сабли нацепют и поедем. – сам Тихон вырядился в кафтан с картузом и походил теперь на купчину с достатком и преуспеваемом.

– Открыть лавку осталось только тебе, Тихон, да торговлишку завести. Бизнес, как американцы с англичанами говорят, – окинул его оценивающим взглядом Мишка. – Пошли, брат, супружницу твою вызволять из рабства.

К усадьбе боярина Грязнова подкатили на пролетке, нанятой тут же у постоялого двора и, велев "лихачу" ждать, постучали в помпезные ворота с огромными двуглавыми орлами.

– Ишь ты. Князь, поди, боярин твой, Тихон. Орлов нацепил на ворота.

– Да какой князь? Сроду им не был. Ленив больно, да гневлив. Из армии опять же выперли, в поручиках до сорока лет, – пренебрежительно махнул тот рукой. – Захудалый род. Гонору да спеси – тут да– а– а– а! Как у князьев. И наследство получил большое годов десять назад. А так – пусто место. Проживет деньги, да людей распродаст и сам по миру пойдет, как Бог весть.

– Придурок что ли? – не поверил Мишка.

– Полный, – кивнул Тихон. – Сам посуди. Десятерых здоровенных мужиков за пузырь "декалону" отдал. Мы ентим "декалоном" потом в галерах ноги поливали, чтоб не гнили. Цена ему грош. За грош отдал сто рублей. Не придурок?

– Придурок, – согласился Мишка и заорал на бородатого сторожа, неспешно бредущего к воротам:

– Шевели мослами, борода. Не кормят тебя здесь что ли? – тот сделал вид, что засуетился и пошел чуть быстрее, но от будки караульной, до створок десять шагов отшкандыбал все же так неспешно, что даже терпеливый Тихон не выдержал и зашипел на едва ползущего сторожа:

– Ну, что ты, мать-перемать, прости Господи, как стельная корова поворачиваешься? Батагов давно не получал на конюшне?

– А вас кто звал? Мне не велено никого пушать ноне, –

ответил бородач, почесавшись и зевнув так вкусно, что у Мишки даже челюсть свело.

– Ты что, каналья, совсем нюх потерял, лапоть? Не видишь, кто тут стоит? Открывай ворота, пока я их не выломал и по загрявку тебе не навалю, – рявкнул он на сторожа, который даже ухом не повел, а взглянув на него искоса, ухмыльнулся и опять повторил:

– Не велено никого пушать. Барин нынче не в себе и жуть как сердит. Мальчонка у него дворовый пропал, и барыня шибко сердится, а он – барин, никого чужих, не привечат и пускать не велят, без приглашениюв.

– Значит, и докладывать не пойдешь? – любопытствовал Мишка, рассматривая это чудо 18-го века, в рубахе до колен и лаптях. – Тебя не Герасимом ли звать?

– Пошто Герасимом? – обиделся вдруг сторож. – Юрием крещен. А докладать не моя забота. Коль сказано не пушать, так и че докладать? Хоч сто рублей дай – не пойду.

– Шас. Сто рублей, – Мишка сунул под нос бородачу фигу. – Вот это видал? Полушки не получишь, – и вынув из ножен саблю, перерубил широченную полосу засова. Запирающего створки ворот, вместе с массивной цепью, висящей тоже поперек створок, и видимо, не позволяющей их распахивать настезь, при необходимости прохода одного человека.

– Понавешали железа, козлы. Калитку лучше бы сделали для прохода, как у всех нормальных людей, –

рвякнул он в выпученные глаза сторожа и пнув ногой створку, так что она чуть не сбила того с ног, пошел по присыпанной песком дорожке к бояриновым хоромам. Остальные ринулись за ним, мимо бородатого стража с открытым беззубым ртом.

– Эй, погодь ка,– опомнился он и посеменил лаптями вслед за незваными гостями.

– Нельзя так то. Я не пущать должен и оборонять. Ваши благородия. Господа ахфицеры. Да что за напасть така? Ворота порубали, развеж так можна? Чисто татаровя, нехристи,–запричитал он, догоняя Мишку с Серегой.

– Пшел вон, морда,– отмахнулся от него Мишка, так и не вложивший саблю в ножны и шагающий с ней в руке.– Зарублю на хрен мерзавца, вместе с боярином, боярыней и курами в курятнике,– при этих словах он махнул саблей "допотопной" и снес столб, с торчащим наверху фонарем. Столб рухнул, и фонарь разлетелся на мелкие кусочки. На сторожа это действие произвело впечатление видать какое-то особенное, он остановился, уставившись на фонарь и на срез диаметром сантиметров в десять, оставленный саблей осерчавшего "ахфицера" и молча повернувшись, пошлепал назад к воротам, на цыпочках, испуганно оглядываясь:

– Порубат, ей Богу парубат,– шептал бородатый страж, побелевшими от страха губами.

А гости незваные уже подходили к парадному крыльцу, каменному, широченному, в десяток ступеней и с огромными каменными вазами, в которых ничего не росло и видимо призыванными, демонстрировать хлебосольство и могущество хозяев. А скорее всего, подвернулись где-то под руку боярину, или увидел у кого-то из знакомых и заказал такие же, бездумно, как всегда делалось, и будет делаться во все века людьми. По принципу.– "Мы чай тоже, не лыком шиты".

У крыльца толпилась дворня, человек десять. Толи на правез вызванная, толи делами хозяйственными озабоченная, и пришедшая с докладом к барину и его управителю. Мишка разбираться не стал, кто тут и за какой надобностью толчется, а попросту прошел к ступеням, расталкивая, не успевающих отскочить крепостных со своей дороги и не обращая внимания на глухой ропот недовольства за спиной, поднялся по мраморным ступеням. Дорогу ему загородил вальяжный господин в шляпе цилиндре, длинном сюртуке и с пенсне на мосластом носу.

– Ви кто есть такой?– ткнул он толстым пальцем в белой перчатке, Мишку в грудь.– Кто звать? Как есть звать, твою мать?

– "Управляющий видать из немцев",– подумал Мишка, врезав в надменную рожу кулаком с зажатой в нем сабельной рукоятью и сбивая с немца всю его тысячетную спесь.

Удар получился отменный, снесший немцу пенсне вместе с цилиндром и отшвырнувший его в сторону, метров на пять, под ноги сидящему на стуле с вычурными спинками и за таким же столиком хозяину поместья. То, что это именно боярин Грязнов у Мишки и сомнений не возникло, стоило ему только глянуть на придурковатую физиономию этого человека. Шелковый цилиндр и фрак не делали ее умнее и выглядели на нем, как на корове седло. Морда / именно морда, а не лицо/ с широко поставленными глазами и носом картошкой, щеки лежащие на открамеленной воротничке, кого-то напомнили Мишке и он остановился, пытаясь припомнить кого.– "Колобок, Пузырь",– вдруг осенило его.– "Не удивлюсь если тот этому потомок".

А Боярин -"Колобок" уже поднимался со стула и наливался нехорошим свекольным цветом. Затем он распахнул свою пасть и заорал голосом, неожиданно визгливым и требовательным:

– Что сие значит? Разбой? Кто допустил? Где сторож? Запорю! В батоги!– выплевывал он слова и надвигался на Мишку, размахивая здоровенной тростью, с набалдашником в виде львиной головы.

Немец-управляющий, выплевывая осколки зубов, благоразумно уполз под столик и выглядывал оттуда, из-за свисающей скатерки, шелудивым псом. Грязнов же, не понимая, что нагрянувшие к нему незваные гости, вполне могут и с ним так же обойтись, пер на Мишку со своей лакированной дубиной, вытаращив глаза и плюясь словами:

– По какому праву? Хамы!! Сатисфакции!!! В суд!!! Государыне-Императрице!!! В железа!!! В Сибирь!!! В каторгу!!!

– Достал ты уже всех визгами своими, – перебил его Мишка и видя, что придурок - "Колобок" – образца 18-го века, намахивается на него своей тростью, перерубил ее пополам и развернув Грязнова, пнул коленом под обтянутый фраком зад. Боярин скакнул в сторону столика, снося его с места вместе со стульями и прикладываясь свекольной рожей к мраморному полу, а Мишка, не давая ему опомниться, шагнул следом и, перевернув пинком тушку боярина, представил лезвие сабли к его жирной шее. От такого бесцеремонного обращения, явно не привыкший к такому боярин, из свекольного цвета, резко перекрасился в абсолютно белый. Побледнел как полотно и залязгал зубами. Впервые за всю свою паразитическую жизнь он подвергся насилию и унижению и, будучи деспотом по натуре в душе, конечно же, как и положено, пригрел душонку раба. Ничтожного и трусливого.

– Прошу прощения, – забормотал он, голосом подобострастным и испуганным. – Не имею чести быть вам представленным, господин поручик. По какой надобности изволили посетить нас в наших палестинах?

– Так-то уже лучше, – Мишка поднял один из опрокинувшихся венских стульев и сев на него, закинул ногу на ногу, уперев ботфорт со шпорой, в плечо лежащего перед ним боярина.

– Мы из канцелярии Безбородько, посланы тебя, сукин сын, арестовать и в Сибирь препроводить. Разгневалась на тебя Матушка-Императрица, прослышав про дела твои незаконные, богопротивные. Велено тебя отправить в Туруханск и по дороге удавить, чтобы другим неповадно было, –

ткнул он "Колобка" носком ботфорта. А у того, от новостей сообщенных, отвисла челюсть и глаза полезли на лоб, делая его еще более похожим на "Колобка" из века двадцатого. Немец испуганно пятился на четвереньках, набожно осеняя себя крестом католическим и расплываясь в подобострастной улыбке. – «Я здесь ни при чем. Это все он, подлец. А я так – мимо проходил».

– Стой, морда фашистская, – махнул ему рукой Мишка. – С тобой следствие отдельно разберется. А ты боярин..., точнее уже и не боярин, а просто, холоп Грязнов, собирайся, и мыла кусок прихватить, не забудь.

– Мы– мы– мыло зачем? – трясась, спросил "Колобок".

– Веревку намыливать, придурок. Казенное на тебя что ли расходовать? Шевелись, изменник, пока саблей не помог, – Грязнов перевернулся на живот и, встав на четвереньки, пополз, в сторону входных дверей в особняк. Щеки его тряслись и локти подгибались. Так и дошаркал до дверей, которые вдруг распахнулись, приложившись створкой ползущему хозяину прямо в лоб с треском, приводя его и вовсе в состояния прострации и изумления. Так и сел на задницу, растопырив ноги в лакированных штиблетах и выпученными глазами уставившись, с открытым ртом, в одну точку. На лбу у Грязнова наливалась огромная шишка.

– Эт-то что? – вопрос задала, очевидно, боярыня Грязнова, стоящая на пороге вся в кружевах и воланах, с идиотской шляпкой, на взбитых в Вавилонскую башню волосах. Лет боярыне, наверное, действительно было не более тридцати, но за толстым слоем пудры и румян – это было не понять и Мишка, влезший в образ "опричника-кагэбэшника", смерив ее презрительным взглядом, процедил сквозь зубы:

– А-а, вот и боярыня Грязнова, надо полагать, собственной персоной? По тебе, курица, тоже веревка соскучилась. Собирайся-ка, с муженьком в Сибирь поедешь. Там на свежем воздухе, живо поймешь, что да как, – и равнодушно смотрел, как заваливается от его слов в обморок хозяйка поместья.

– За что же немилость такая? Чем прогневил Матушку-Императрицу? – завопил вдруг Грязнов, приходя в себя от полученных известий и травм.

– Аль сам не знаешь, собачий сын? – удивился Мишка.

– Наваety!!! Все облыжно!!! Господин поручик, как перед Христом Богом!!! Клянусь!!!

– Ты еще Бога вспоминаешь. Сволочь!-

Мишка отшвырнул стул.– За сколько Россию продал? Ну, колись гад?– от такого обвинения Грязнова снова бросило в жар, и шишка на лбу стала не так заметна. – "Это я, кажись палку перегнул слегка. Увлeкся",– подумал Мишка и с удивлением услышал вопль Грязнова:

– Не своей волей, принудили. Жизни лишить супостаты, грозились и всю фамилию извести. Каюсь! Взял!

– Сколько?– опешил Мишка.

– Пятьдесят тысяч ассигнациями.– зарыдал Грязнов.

– Вот, значит, на какие деньги хоромины эти отгрохал, гад? Бери бумагу, чернила и пиши покаянное прошение на имя Императрицы со всеми своими пакостями. В подробностях. Где, от кого, сколько, когда и за что. Более для тебя ничего сделать не могу, мерзавец, – и повернувшись к пришедшей в себя боярыне Грязновой, над которой хлопотали дворовые девки, скомандовал ей:

– Чего разлеглась свиньей? Марш за чернильницей, пером и бумагой. Бегом!!!– и боярыня, забыв про то, что она боярыня, помчалась в глубины дома, заполошно вереща:

– Господи, пронеси и помилуй,– а через минуту уже вернулась со всем, что требовалось, и опасливо косясь, на Мишку, выставила все на столик:

– Пиши скорее, Вадим Аполлонович, видишь, господин поручик в нетерпении гневается,– подсунула она листы бумаги под руку мужа, уже сидящему за столом и трущему шишку на лбу.

Глава 4

Писанина заняла минут сорок и за это время немец управляющий, пытался несколько раз сбежать и, в конце концов, так надоел Мишке этими своими рывками то туда, то сюда, что он велел Тихону взять у стоящего внизу крестьянина вилы и приставил его к немцу:

– Еще раз дернется – коли в окорок, – разрешил он ухмыляющемуся злорадно Тихону и, повернувшись к боярину Грязнову, склонился над ним.

– Складно излагаешь, молодец. Так глядишь и до Турухана живым доберешься, вместе с красавицей боярыней, – от этих слов боярин даже язык от усердия высунул и заскрипел пером еще бойчее.

– Теперь число и подпись поставь. Напиши, что без принуждения писано и что каешься перед Государыней и Богом, – боярин Грязнов, взглянув на Мишку, подобострастно кивнул и написал, что велено.

– Ну вот, с одним делом разобрались, – Мишка принялся читать чистосердечные показания Грязнова и брови его удивленно поползли вверх.

– Однако!!! Значит, вот этот гусь к тебе соглядатаем приставлен? – Мишка ткнул в сторону немца саблей и немец дернулся, напорвшись на вилы и зашипев от боли.

– На кого работаешь, фашист? Молчать будем? Считаю до трех и велю повесить на воротах конюшни. Раз, два... – до трех досчитать немец не дал, упав на колени и завопив:

– Все скажу, – трещал потом полчаса без остановки, не дожидаясь вопросов и оказалось, что работает он на всех кроме: дефензивы, массад, гестапо и НКВД – и понятно почему. Этих пока просто не было в природе. Даже на Конвент французский, революционный умудрился подрабатывать.

– Ох, ловок, шельма, – поразился Мишка пронырливости немца. – Садись и пиши все, что тут плел в подробностях, коли ворота на конюшне не понравились. А ты, сучье племя, пиши вольные на крепостных. Нынче их у тебя Государыня изымает. Не оправдал надежд и доверия. Неси, курица, бланки на куплю-продажу. Купчие будем оформлять. Тихон, пошли кого-нибудь за яржкой, чтобы сделку зафиксировать, как положено, –

Тихон распорядился, и кто-то из дворни побежал в город за чиновником. Боярин пытался спросить, почему вдруг "вольные", почему "купля-продажа", но Мишка зыркнул на него таким страшным оком, что тот сразу сник и в дальнейшем подписывал все, что ему совали под нос, с видом смиренным и обреченным.

– А боярыня-то, голубушка, навроде Мата Хари тут подвизалась и от муженька мало чем отстала? – читал Мишка тем временем показания немца. – Ну-ка, поручик Руковишников, глянь чего этот басурманин накропал. Да у них тут прямо заговор масонский. Вон, даже Павла – Великого князя упомянул. Значит, Императрицу-матушку убрать решили и Павла на трон, гуси-лебеди? – Грязнов закивал, тыча одной рукой в немца, а другой в супругу:

– Все они, а я верный слуга Государыни и токмо подневольно согласился. Принудили Ироды. Всю Фимилию извести грозились, – завыл Грязнов, размазывая слезы "раскаяния" по жирным щекам.

– И велика ли Фамилия у него, Тихон? Что-то уж шибко убивается! – спросил Мишка.

– Дык он сам, да баярыня, а детишков Бог не дал, – доложил тот, сторожа немца. Вилы при этом держал перед самыми глазами скребущего пером по бумаге "басурманина" и тот косясь на посверкивающие на солнце острые концы, усердно заполнял лист за листом.

– Наверное, уже до Рождества Христова добрался и бойню младенцев в Вифлееме на себя взял, – покосился Серега на растущую стопку листов бумаги, исписанных немцем. – Грязнов в десяток листов уложился.

– Так ведь у этого "ума палата" вместе с Фамилией, которая из него одного состоит, как оказалось,– Мишка поднялся и, отведа Серегу в сторонку, спросил:

– Что делать с этими козлодоями будем? Сдадим властям вместе с показаниями? Тогда Сибири им не миновать, но ведь они не от себя работают. За ними людишки посolidнее просят. Великие князья. Екатерина-то, если мне память не изменяет, вот-вот Богу душу отдаст. Полистал я кое-что, перед тем как в этот год рюхнуть. Интересное время на дворе. Суворова можно увидеть, Кутузова молодого. Потемкин еще жив вроде – одноглазый. Так что делать будем? Как вариант, конечно – зашвырнуть этих изменников куда-нибудь поглубже в прошлое. Но они и там гадить будут. А если здесь сдать, то через год, другой выпустят ведь их, реабилитируют, да еще и наградят, поди, как борцов против Екатерины? Вот и припрутся тогда права качать. А я хотел домишко Тихонову семейству оставить.

– Из Сибири сомневаюсь, чтобы они вернулись и права качали. Павлу, к власти пришедшему, такие напоминания ни к чему. Он ведь законным образом на трон сел. Да и был-то всего ничего. Почти сразу придушили и сынок его Александр трон занял. А Тихону зачем этот дом? Продадим, да купим ему другой. Если повезет придуркам и вернутся все же из ссылки, то пусть побегают за своими "стульями". Кинуться, а мебели-то и нет,– подмигнул озорно Серега.– Жизнь, зато наполнится содержанием. Это не отвары для морды варить из листьев яблоневых. Давай, заканчивай комедию, вечерет уже.

– Сдаем, значит, в тайный приказ? Так тому и быть,–

Мишка подошел к немцу, косящемуся одним глазом в лист бумаги, а вторым на вилы в руках Тихона и велел ему заканчивать писанину:

– Число, подпись. Хватит. Тут уже на сто человек материала, чтобы на каторгу спроводить. Тихон, остаешься здесь за старшего, ярыжка-стряпчий нужен еще? Нет, ну и пусть валит. Дай ему, сколько спросит на лапу и пусть проваливает, чернильная душа. Пусть оставит свои фамилию и имя. Где разыскать если что. Понадобится еще наверняка. Ну, и супругу свою иди искать,– потом вышел к краю крыльца и объявил не расходящейся дворе:

– Завтра всем быть здесь, после заутрени. Барина мы вашего в Сибирь нынче же спроводим и Матушка-Государыня повелела вам вольную объявить. Документы о сем завтра и получите. Гуляйте пока,– радостные крепостные сняли шапки и принялись кланяться в пояс, крестясь.– "Сподобил Господь, дожили",– вздохнул кто-то облегченно.

А вот с боярином и немцем пришлось повозиться. Ну, никак не могли они в толк взять, почему их пешком хотят вести по улицам в тайный приказ.

– Чести много вам конно ехать,– рявкнул, в конце концов, Мишка и брать ничего с собой не разрешил.– Перебьетесь, чай теперь и не бояре. А вот для боярыни девки все, что надо, соберут. Ну-ка живо, узелок собрали,– гаркнул он на дворовых и те унеслись внутрь дома. Узелок, правда, вынесли размером таким, что впору телегу запрягать, но и тут Мишка церемониться не стал и устроил досмотр, выбросив к чертовой матери все, что, по его мнению, средствами первой необходимости для боярыни не являлось. Узел при этом уменьшился раз в пять и его вполне смогли волоочь немец с Грязновым, взяв с двух сторон. Боярыня в кружевах, плелась следом, сморкаясь в платок.

Так через всю Москву и провели. Еще час ушел на то, чтобы найти нужного чиновника, занимающегося такими вот делами. Полицейский ярыжка, в черт знает какой форме, тупо уставился на приведенных к нему в кабинет "чистосердечно" раскаявшихся злодеев и никак не мог взять в толк, чего от него хотят эти два бравых вояки, в непонятной и для него форме. И только когда, выпроводив предварительно арестованных злодеев в коридор и попросив покараулить их за пятак, первого попавшегося под руку инвалида с саблей-сеledкой, парни сунули чиновнику столбец монет золотых, в его глазах оловянных появилась заинтересованность и сверкнул ум.

– Заговорщики против Государыни, братец,— вдалбливали ему в оловянные мозги парни.— Если доведешь грамотно дело до конца, то получишь повышение значительное и награду не маленькую. Ты только послушай, что пишут мерзавцы,-

Мишка зачитал несколько мест из показаний немца и боярина Грязнова, приведя полицейского в крайнюю степень возбуждения. Даже руки потер служивый, перспективы представив. И тут же нашелся и конвой, и камеры подходящие в казематах, для всех трех преступников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.